

С.И. ПЛОХИЙ

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ
ВОЙНА
УКРАИНСКОГО
НАРОДА
1648-1654 гг.

В латиноязычной
историографии
середины XVII
века

ДНЕПРОПЕТРОВСК

1983

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ СССР

ДНЕПРОПЕТРОВСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени 300-летия ВОССОЕДИНЕНИЯ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ

Кафедра историографии и источниковедения

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ К ИЗУЧЕНИЮ ТЕМЫ
"ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА УКРАИНСКОГО НАРОДА

1648 - 1654 гг.

В ЛАТИНОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СЕРЕДИНЫ XVII века"

Днепропетровск 1983

В данных методических указаниях рассматриваются вопросы отражения событий освободительной войны украинского народа 1648 - 1654 гг. в восточноевропейской историографии середины XVII века.

Ввиду того, что изучаемые сочинения написаны на малодоступном студентам латинском языке, в методических указаниях даётся подробный анализ этих памятников. Приведенные материалы являются результатом самостоятельных исследований составителя.

Методические указания предназначены для студентов исторического факультета Днепрпетровского госуниверситета, посещающих спецсеминар "Культурные взаимосвязи народов Восточной Европы в XVI-XVII веках", а также могут быть использованы при проведении семинарских занятий по истории СССР и УССР, историографии и источниковедению.

Под редакцией канд. ист. наук, доц. Ю. А. Мышка

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ К ИЗУЧЕНИЮ ТЕМЫ
"ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА УКРАИНСКОГО НАРОДА
1648 - 1654 гг.

В ЛАТИНОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СЕРЕДИНЫ XVII века"

Составитель канд. ист. наук, преп. С. Н. Плохий

Редактор В. Н. Пластун
Техредактор Л. Н. Вершута
Корректор Е. В. Щегленко

Подписано в печать 06.03.84. Формат 60x34 1/16. Бумага типографская № 2. Печать плоская. Усл. печ. л. 3,72. Ут.-изд. л. 2,93.
Тираж 300 экз. Заказ № 80 Цена 9 к.

Редакционно-издательский отдел ДГУ, г. Днепрпетровск,
пр. Гагарина, 72.

Ротапринт ДГУ, г. Днепрпетровск, ул. Генерала Пушкина, 4

В В Е Д Е Н И Е

Прежде чем приступить к изучению конкретных тем, предусмотренных программой спецсеминара, студенты должны уяснить, что одним из важнейших аспектов культурных взаимосвязей восточноевропейских народов XV-XVII веков являются контакты в области историографии.

В истории русского, украинского, белорусского и литовского народов эти связи имеют глубокие корни. Прежде всего нужно иметь в виду отечественное летописание, в котором значительное место отводилось истории соседних с восточнославянскими литовских земель. В свою очередь, в XVI-XVII вв. в Литве создается немало исторических сочинений, в которых наряду с описанием Литвы и Гемаятии сообщались сведения по истории России, Белоруссии и Украины.

Из курса истории СССР студентам известно, насколько широкие международный резонанс вызвали события освободительной войны 1648-1654 гг., "одной из самых славных страниц в истории украинского народа" [5, с.7]. Ее важнейшим итогом явилось объединение в рамках единого государства двух братских народов - русского и украинского, по выражению В.И.Ленина, "столь близких и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории" [4, с.342].

Освободительная война коснулась интересов большинства стран Европы. Непосредственно в ход событий 1648-1654 гг. были вовлечены: Русское государство; входившие в состав Речи Посполитой Польша и Литва; Крымское ханство; данники Османской империи - Молдавия и Валахия. Отклики на события освободительной войны появились не только в большинстве названных стран, но и в целом ряде государств Центральной и Западной Европы, так или иначе заинтересованных в исходе дел на востоке континента. Широко освещались события освободительной войны в немецких и итальянских "летучих листках", в

газетах Франции и Англии. На протяжении II половины XVII века во всех вышеназванных странах появились исторические произведения с описанием восстания под предводительством Ф.Хмельницкого [53, 1969, №8, с.137-1397].

Ряд сочинений, посвященных рассказу о событиях освободительной войны, был создан также литовскими авторами. Среди работ историков необходимо назвать труд А.В.Кояловича "О действиях против запорожских казаков в 1648-1649 гг." (Вильнюс, 1811) [24] и анонимный "Комментарий событий в Великом княжестве Литовском во время русского восстания" (Кенигсберг, 1653) [25]. Несмотря на то, что последнее сочинение вышло за пределами Литвы, его издание было инспирировано из Вильнюса литовским полковым ретманом Янушем Радзивиллом.

Названные произведения являются одной из первых попыток исторического осмысления и оценки событий еще продолжавшейся в то время освободительной войны. Перед нами исторические сочинения, написанные в полном соответствии с канонами европейской историографии XVII века, авторы которых выбрали в качестве объекта описания современные им события. Избранный историками язык (латинский / латинский / свидетельствует об ориентации произведения не только на литовского и польского, но и западноевропейского читателя.

Несомненную ценность представляют работы Кояловича и анонимного автора "Комментария" и с точки зрения источниковедения. Рассматриваемые произведения были написаны в ходе освободительной войны, ввиду чего их авторы привлекали устную информацию участников событий, имели возможность использовать значительное число источников, которые не дошли до нас, исчезнув в бурном потоке событий последних трех веков.

Анализируя названные сочинения, необходимо учитывать, что исторические труды периода Средневековья являются одновременно как памятниками историографии, так и историческими источниками.

Как отмечает А.П.Пронштейн, "... нельзя безоговорочно относить то или иное историческое сочинение к числу источников или числу исследований. Чаще всего оно имеет значение и как то и как другое одновременно. В одних случаях оно используется для изучения исторических и общественно-политических взглядов их автора (этим занимается историография), в других - из него берутся достоверные исторические факты, взятые автором из источников ныне утрачен - ных ..." [54, с.67].

Всестороннее изучение памятников латиноязычной историографии тем более важно, если учесть, что другие нарративные источники, созданные на современных европейских языках, достаточно хорошо известны исследователям, латиноязычная же историография освободительной войны является в этом смысле исключением. В известной степени исследован только жизненный путь и мировоззрение А.Кояловича.

Изучению научной и религиозной деятельности историка уделяли определенное внимание еще ученые буржуазной Литвы [57, с.96], однако наиболее полный и научно верный анализ его творчества был предпринят только советскими авторами и историками народной Польши.

В советской историографии необходимо обратить внимание студентов на статьи о Кояловиче В.Гулуса [45], В.А.Сербенты [75, с.17], Я.Тиднелите [57], где была дана марксистская оценка научной деятельности ученого, охарактеризованы его исторические взгляды. В современной польской историографии выделяется статья Я.Дворжачека в "Польском биографическом словаре", содержащая наиболее полное описание жизненного пути Кояловича [79, с.270-272].

Что касается "Комментария", то вопрос о его авторстве остается до сих пор дискуссионным [77, т.19, с.402; 66, с.165,166].

Следует отметить, что ни "Действия", ни "Комментарий" не подвергались какому бы то ни было анализу в вышеназванных исследова-

ниях. Отдельные факты из этих произведений использовались без необходимого источниковедческого изучения в дворянской и буржуазной историографии [48, 68]. В советское время "Лействия" А.Кояловича были использованы в качестве источника белорусским исследователем Л.С.Абцедаарским [38].

В данных методических указаниях впервые предпринимается всесторонний историографический и источниковедческий анализ рассматриваемых сочинений по истории освободительной войны украинского народа 1648-1654 гг. Предлагаемый студентам материал целесообразно разделить на две части: в первой остановиться на вопросах атрибуции /авторства/ произведений, рассмотреть жизненный путь, проанализировать общественно-политические и научные взгляды историков; во второй - подвергнуть источниковедческому анализу известия изучаемых произведений. Кроме двух глав, введения и заключения, методические указания содержат также список рекомендуемых источников и литературы.

ГЛАВА I. ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ АВТОРОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ОБ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЕ

§ I. Жизненный путь и произведения Альберта Визка Кояловича

Всестороннее исследование любого памятника исторической мысли невозможно в отрыве от изучения мировоззрения его автора. Уже цитировавшийся выше А.П.Пронштейн пишет, что "...отношение автора к изображаемым им событиям влияет на полноту, достоверность и точность отображения их в источнике, а потому исследователь должен постоянно учитывать классовые, политические и прочие позиции автора источника" [54, с.126].

Необходимым условием раскрытия взглядов того или иного историка является изучение его жизненного пути.

Войцех Коялович принадлежал по рождению к литовской шляхте герба "Видк", название которого стало составной частью его полного имени. Большинство своих сочинений Коялович подписывал именем Альберт, вследствие чего больше известен как Альберт Видк Коялович.

Родился Коялович в Каунасе в семье переселившегося в город шляхтича. Что касается точной даты рождения, то она до сих пор не установлена. За точку отсчета берется обычно 1627 год, когда Кояловичу исполнилось 18 лет и он вступил в орден иезуитов. Как правило, в качестве даты рождения ученого называется 1609 год, хотя иногда встречается и 1605-й, однако эта дата не комментируется [57, ч.2, с.127]. Кроме Войцеха, в семье было еще три сына, один из них, Петр Коялович, стал со временем вице-ректором Вильнюсской Академии, оставил после себя ряд религиозных трактатов.

После вступления в орден иезуитов Коялович обучался в католических учебных заведениях Несвижа, Смоленска и Вильнюса, осваивая философию, физику и теологию. В 1638 году он закончил полный курс Вильнюсской Академии, о чем свидетельствует ряд сохранившихся документов, где отражены сведения о сдаче Кояловичем предусмотренных программой Академии экзаменов [57, с.97]. В 1641 г. ученый получил степень доктора философии и остался преподавать в Академии, где читал риторику, физику и ряд других предметов; в 1645 г. он защитил докторскую диссертацию по теологии. С этого времени Коялович преподавал в Академии курс схоластической теологии.

С 1649 г. он стал одновременно выполнять обязанности проканцлера "альма матер", сосредоточив в своих руках руководство учебным процессом в Академии. Не до конца решенным остается вопрос о предполагаемом ректорстве Кояловича.

Автор наиболее подробной биографии Кояловича В.Лворжачек считает, что тот занял пост ректора Академии после Г.Шенхофа в 1653г.

В то же время опирающаяся на документы из архива Академии литовская исследовательница Я.Тюонелите указывает, что Коялович управлял делами Академии в 1654г., однако в списке ректоров в этом году значится испанец Бенедикт де Сокса, отстранившийся от дел по старости [79, т.13, с.270; 57, с.97]. Наиболее приемлемой представляется версия автора статьи о Кояловиче в одном из польских энциклопедических изданий начала века, который отмечает, что де Сокса бежал из Вильнюса в Данию в связи с приближением к городу русских войск, а управление Академией взял на себя Коялович [80, с.981].

В качестве ректора Академии Коялович в июле 1655 г. принимал участие в работе Варшавской конгрегации ордена иезуитов, где был избран прокуратором литовской провинции и делегирован на конгрегацию в Рим, куда выехал во второй половине того же года. После возвращения из Италии Коялович не смог попасть в Вильнюс, занятый тогда русскими войсками, и вынужден был переезжать из города в город вместе с вильнюсским епископом Завишей, предложившим бывшему ректору место своего личного исповедника. В 1662-1666 гг. ученый выполнял обязанности главы монашеского дома в Вильнюсе, являясь одновременно и заместителем провинциала.

Пятидесяти-шестидесяти годы представляют, пожалуй, наиболее сложный период в жизни Кояловича. Именно в это время ученый, по свидетельству большинства биографов, подвергся притеснениям со стороны "одной влиятельной литовской фамилии". Его сочинения в этот период подвергались уничтожению, а одно из наиболее известных - "Гербовник литовской шляхты" - так и не увидело света: печать была остановлена на десятом листе. Провинциал ордена иезуитов, уже упоминавшийся нами Г.Шенхофф, запретил издание еще одного произведения Кояловича - книги "О соперничестве Радзивиллов и Ходкевичей".

По предположению ряда исследователей Коялович якобы раскрыл

тайну какой-то княжны из рода Радзивиллов, чем навлек на себя гнев могущественного семейства. Как отмечает известный историк польской литературы М.Вишневокий, наибольшее негодование этой семьи вызвало сочинение "Хроника Радзивиллов" (Вильнюс, 1653) [26], которое подверглось почти полному уничтожению и уже в XIX веке являлось одним из самых редких исторических произведений [71, т. I, с. 75].

В 1666 г. Коялович покинул Вильнюс и переехал в Варшаву, где занимал ряд духовных должностей вплоть до смерти, наступившей 6 октября 1677 года [57, с. 96-99].

Коялович оставил после себя богатое научное наследие [79, т. I, с. 270]. Это был человек, безусловно, одаренный, что в полной мере отразилось на страницах его произведений. Коялович одинаково успешно занимался историей, теологией и философией, хотя в большей степени известен как историк и геральдик.

Уже среди первых произведений ученого были сочинения на религиозную тематику, носившие характер дискуссии с кальвинистами. В 1640 г. в типографии Вильнюсской Академии было издано сочинение Кояловича "Разговор теолога с политиком об избрании единственно правильной христианской веры" [20]. В последующие годы увидели свет еще несколько произведений Кояловича религиозного содержания: в 1653 г. появилась позже переведенная на польский язык брошюра "О некоторой разнице в вере между католиками и евангелистами" [25], в 1667 г. - "Разговор теолога с диссидентом в религии, а также о правильном и испытанном толковании постулатов веры" [27]. Определенный интерес представляет книга Кояловича "Собрание различных сведений, касающихся положения церкви в Великом княжестве Литовском", где содержатся сведения о распространении религий на территории Белоруссии и Украины [23].

Всего перу Кояловича принадлежит пять наиболее известных произведений подобного содержания, большинство которых были переве-

дены на польский язык, а также неоднократно переиздавались, входя в сборники религиозных сочинений [79, т.13, с.270-272]. Все перечисленные произведения носили дискуссионный характер и своей популярностью были обязаны полемическому таланту Кояловича, умевшему нетрадиционно подойти к рассмотрению того или иного теологического вопроса и достаточно логично отстаивать свою точку зрения. Несмотря на вышеперечисленные достоинства, религиозные сочинения Кояловича характеризуются консервативностью излагавшихся в них идей, в силу чего уступают работам протестантских богословов, пусть не всегда столь блестяще написанным, однако несущим в себе элементы более прогрессивного буржуазного мировоззрения.

С позиций воинствующего католицизма Коялович выступал и в своих философских произведениях. В 1645 г. он издал "Пособие по этике Аристотеля" [21], а в 1648 г. вышло в свет его философское сочинение "Взгляд, направленный разумом, или опровержение доказательства существования вакуума" [22], написанное в ответ на вышедшую в 1647 г. работу Валерьяна Магни "Наглядное доказательство возможности существования вакуума". В своей работе Коялович попытался показать ошибочность взглядов Магни, опиравшегося на Аристотеля, не подвергая при этом сомнению правильность положений последнего. Брошюра Кояловича была написана в острой полемической форме, отличалась хорошим слогом, логичностью и оригинальностью доказательств, однако, по выражению Э.Огоновского, может служить "примером того, как трудно даже обладая незаурядным умом освободиться от пут существующей мыслительной традиции" [67, ч.2, с.196].

• Безусловные научные способности Кояловича в полной мере проявились в исторических сочинениях. Если религиозные и философские произведения, отражавшие реакционную даже для своего времени идеологию, привлекают нас лишь как памятники полемической и философской мысли этого периода, то основанные на богатом источниковом ма-

териале исторические труды ученого до сих пор сохраняют не только историографическое, но и источниковедческое значение.

Перу ученого принадлежит немало исторических произведений: ряд панегириков, сочинений, посвященных истории отдельных магнатских семей, произведений по церковной и гражданской истории, уникальный по своему составу родословник литовской шляхты и т.д.

В 1639 г. в Вильнюсе А.В.Коялович издал панегирик в честь австрийской королевы Цецилии Ренаты, позже он вместе со своим братом Казимиром опубликовал несколько панегирических речей в честь вильнюсских епископов и покровителей ордена иезуитов [79, т. I3, с.271]. В 1650 г. в Гданьске из печати вышла первая часть "Истории Литвы," наиболее известного исторического труда Кояловича. Вторая часть этого произведения увидела свет в 1669 г. в Антверпене [28]. Описание доведено до 1572 г. и заканчивается рассказом о смерти последнего из Ягеллонов - короля Сигизмунда-Августа.

В "Истории Литвы" Коялович выступил с позиций класса феодалов, всячески принижая значение классовой борьбы, явился глашатаем католической экспансии на украинских и белорусских землях. Тем не менее историк выступил против официальной точки зрения римской курии, оправдывавшей захватническую политику крестоносцев на славянских и литовских землях, что явилось его безусловной заслугой.

"История Литвы" пользовалась значительной популярностью в Европе как в XVII, так и в XVIII веке. Высокую оценку сочинению дал долгое время работавший в России видный немецкий историк А.Л.Шлецер, отметив, что автор "Истории Литвы" является одним из лучших историков XVII века. Шлецер очень высоко оценил стиль Кояловича, порядок и логичность изложения материала, считал его мастером исторической критики. Историк сделал перевод сочинения Кояловича на немецкий язык и опубликовал его с незначительными сокращениями в 1785 году [79, т. I3, с.271].

Вопрос истории Литвы Коялович касался и в двух других своих произведениях: "Хронике Радзивиллов" [26] и "Хронике Сапер", только первой из них суждено было увидеть свет, рукопись же второй погибла, очевидно, в пожаре Вильнюса в 1655 г. "Хронику Радзивиллов" Коялович посвятил наиболее владетельному представителю этой фамилии - польному гетману В.К.Л. князю Янушу Радзивиллу. Ученый излагает историю семьи Радзивиллов с 1281 по 1553 гг. и представляет довольно подробный перечень событий, связанных с представителями этой известной в Речи Посполитой фамилии. К сожалению, Коялович не называет своих источников, лишь раз ссылаясь на Бельского и родословники. По предположению М.Вишневого, Коялович не имел доступа к Несвижскому архиву Радзивиллов, что сказалось на его работе [71, т.7, с.494].

"Хроника Радзивиллов" занимает в жизни Кояловича особое место. Взвываясь за написание заведомо хвалебного произведения, Коялович тем не менее, не захотел в ряде случаев выступить против исторической правды и раскрыл, как уже отмечалось выше, тайну какой-то княжны из рода Радзивиллов. Как удалось установить, речь идет о Барбаре из Радзивиллов, жене польского короля Сигизмунда-Августа. Эта литовская княжна вызвала невероятное количество двусмысленных слухов при жизни, интерес к ее личности продержался на протяжении нескольких столетий, не утрачен он и до сих пор [63, т.39; 70]. Естественно, что Радзивиллы были заинтересованы в реабилитации своей родственницы, тем более они рассчитывали на это в заказанном ими же произведении. Коялович тем не менее описал события, связанные с Барбарой, в невыгодном для Радзивиллов свете [26, с.31, 32].

Приступив к написанию "Хроники Сапер", Коялович также не захотел исказить исторические факты и настроил против себя и эту магнатскую семью.

Как можно судить по отрывкам из "Хроники Сапег", сохранившимся до конца прошлого века, Коялович выводит род Сапег не от княжеской ветви Гедимина, а от троцкого каштеляна Сунтайла, имевшего лишь боярский титул [79, т. I3, с. 271].

Разрыв Кояловича с Сапегами следует относить, очевидно, к периоду после 1650 г. Прямых доказательств этого мы, к сожалению, не имеем, однако необходимо учитывать, что вышедшая в 1650 г. первая часть "Истории Литвы" была посвящена К.-Л. Сапеге, а увидевшая свет в 1653 г. "Хроника Радзивиллов" - уже Радзивиллу.

Несмотря на постоянные преследования, Коялович не оставил мысль о написании историй крупнейших литовских семей, подготовив к печати работу "О соперничестве Радзивиллов и Ходкевичей". По распоряжению провинциала ордена иезуитов издание книги было запрещено [79, т. I3, с. 271].

Созданию сочинений о магнатских фамилиях Литвы во многом способствовала начавшаяся еще в 1648 г. работа Кояловича над гербовником литовской шляхты. Продолжая в течение десяти лет собирать материал для родословника, Коялович почти не пользовался существовавшими в его время изданиями подобного типа и оставил нам обилие оригинальной, больше нигде не запечатленной информации.

Ввиду непрекращавшихся преследований Кояловича на пути издания родословника возникало множество трудностей. Виленский епископ Ч. Тышкевич, взявший автора под свою опеку, ходатайствовал о выделении средств на печатание гербовника. Деньги были предоставлены с условием издания произведения на польском языке, на что автор дал согласие. Кояловичу удалось напечатать только 10 листов, дальнейшее издание было остановлено из-за вмешательства одной могущественной фамилии, как об этом свидетельствует запись на рукописи родословника. Не ясно, были это Сапегы или Радзивиллы. После этого события Коялович уже не возобновлял попытки издания родословника,

он дошел до нас только в рукописях. Известно три редакции этого сочинения. Первая из них содержит родословные легенды литовской шляхты, расположенные в порядке знатности родов, вторая - составлена по гербам, которые расположены в алфавитном порядке, и лишь третья, в отличие от двух предыдущих, написанная не на польском, а на латинском языке, составлена по фамилиям, расположенным в алфавитном порядке. Вторая редакция была издана, правда со значительными ошибками, Ф. Пекарским в 1897 г. Третья, наиболее обширная редакция родословника, была лишь частично переведена на польский язык с латыни и издана Ф. Пекошинским в Кракове в 1905 г. В целом же до сих пор отсутствует полное издание гербовника Кояловича, хотя труд виленского ученого представляет несомненный научный интерес [79, т. I3, с. 271, 272].

Заметный отпечаток на все мировоззрение Кояловича оказали идеи иезуитов. Вместе с тем в его исторических трудах, кроме неприкрытого провиденциализма, мы находим немало черт, характерных для гуманистической историографии. Подобная позиция иезуита Кояловича не является случайной. Как отмечал М. А. Алпатов, "в интерпретации источников и освещении исторического процесса они /иезуиты.- С. П./ старались придать своему изложению рационалистический характер, приспособляли гуманистические традиции для своих целей, подводили читателя к нужным им выводам путем соответствующего толкования явлений" [39, с. 381].

Наиболее известное произведение А. Кояловича "История Литвы" явилось, по сути, гуманистической переработкой "Хроники" М. Стрыковского. Как следует из предисловия к книге, Коялович поставил перед собой задачу литературной обработки Стрыковского, стремился облегчить молодому поколению изучение истории своего края и усовершенствовать знания молодежи в области латинского языка [28, ч. I, с. 3]. Эти задачи находятся в полном соответствии с тре-

бованиями, предъявлявшимися к историческому повествованию гуманистами. По мнению последних, историческое сочинение должно было доставлять эстетическое наслаждение и поучать читателя [64, с. V-VII].

"Хроника" М. Стрыйковского во многом еще носила печать средневековой исторической традиции. Взвзвись за гуманистическую переработку этого труда, Коялович разделил свое сочинение на книги, а затем - главы, систематизировал содержащийся в "Хронике" материал. Из общего потока сообщаемых Стрыйковским сведений автор "Истории Литвы" выделил и перенес в свое сочинение только основные, попытался установить между ними причинно-следственную связь.

О гуманистическом характере "Истории Литвы" свидетельствует также отрицательное отношение ее автора к легендарным сведениям Стрыйковского [66, с. 169-172].

Сказалось на исторических сочинениях Кояловича и характерное для всей гуманистической историографии влияние древнеримской исторической традиции [28, ч. I, с. 372].

Характерно, что гуманизм в середине XVII века уже не был наиболее прогрессивным направлением в историографии. Ему на смену пришел рационализм, являвшийся "... более открытым и более воинственным наступлением буржуазной идеологии" [39, с. 368].

Существенное влияние на позиции Кояловича-историка оказали его политические симпатии. Как свидетельствуют биографические данные, историк был близок к различным группировкам литовской феодальной верхушки. На страже интересов литовских феодалов он стоял и в "Истории Литвы", где отрицательно оценил агрессию крестоносцев на литовских землях, и в "Действиях", где выступил против освободительной борьбы украинского и белорусского народов. Так же ревностно Коялович оберегал в своих трудах интересы церкви. Повествуя, например, о Литве до принятия христианства, историк, как правило, становится на сторону католической церкви, осуждая выступления против нее литовцев-язычников [57, с. 106].

Сложившиеся исторические, а также политические взгляды ученого в полной мере проявились на страницах его работы "О действиях против запорожских казаков в 1648-1649 гг.". Оценка Кояловичем событий освободительной войны украинского народа представляет несомненный историографический интерес.

Сочинение Кояловича, вышедшее в свет в 1651 г. в типографии Вильнюсской Академии, было первым обобщающим трудом по истории продолжавшейся освободительной войны. Книга состоит из трех разделов, первый из которых назван "Краткое описание действий против запорожских казаков войск Великого княжества Литовского в 1648-1649 гг.," второй - "Краткое описание действий против запорожских казаков в 1648 г. князя на Вишневец и Лубнах Иеремии Михаила Корибута, Воеводы Русского, Губернатора Каневского и т.д. и т.д.", третий - "Краткое описание /военных действий.- С.П./ в 1649 г. до Зборовских переговоров между Королевскими войсками и войсками Таврического Хана" [24].

Больше половины сочинения, насчитывающего всего 102 страницы, отведено описанию "литовских событий", меньшая часть посвящена рассказу о Зборовской битве 1649 г. и действиях отряда И.Вишневецкого на Украине летом 1648 г. Описывая вплоть до мельчайших подробностей борьбу литовской шляхты с начавшимся в Белоруссии антифеодальным восстанием, Коялович одновременно касается только двух сюжетов освободительной войны на Украине, причем опускает повествование о столь важных событиях, как Желтоводское и Корсунское сражения, бегство польско-шляхетских войск из-под Пилявец, Збаржская осада.

"Попутное" упоминание о поражениях войск Речи Посполитой свойственно почти всем шляхетским авторам этого периода. Легко объяснить и преимущественный интерес Кояловича к событиям в Белоруссии, если учесть, что автор "Действий" был близок к верхушке литовских феодалов.

На страницах "Действий" историк практически уклоняется от прямой оценки списываемых им событий, что в значительной степени затрудняет работу по определению взглядов ученого на события освободительной войны. Тем не менее при тщательном анализе текста "Действий" становятся очевидными симпатии и антипатии Кояловича, выступают основные оценочные характеристики событий освободительной войны.

Будучи сторонником провиденциализма, Коялович именно с этих позиций пытается дать оценку происходящего. Хотя причины конкретных событий Коялович, как правило, ищет в замыслах и поступках людей, бог всегда присутствует у него в описаниях самых важных и ответственных моментов сражений и помогает "своему католическому воинству". Так, перед появлением отрядов, восставших под Несвижем, над городом появляется видение бога, а на следующий день, как говорит Коялович, навстречу восставшим выехали небесные всадники и поддерживали литовские войска [24, с.10,11].

В другом месте, закончив описание первого дня Зборовской битвы, историк замечает, что коронная армия устояла только благодаря заступничеству девы Марии, которая якобы на протяжении всей битвы предоставляла ей божественную защиту от опасностей [24, с.82]. С именем бога Коялович связывает успех Я.Радзивилла в битве под Лоевом в 1649 г. и ряд других побед польско-литовских армий [24, с.52]. Поражения и неудачи, постигающие эти армии, историк также пытается объяснить сверхъестественными причинами: кознями восставших, их магическими заклинаниями и т.д. По поводу тумана, стоявшего все утро 15 августа 1649 г., Коялович замечает, что это произошло или из-за изменения пути звезд, или из-за "ворожбы крестьян", причем больше склоняется к последнему [24, с.75].

Как видим, гуманистическая традиция являлась для Кояловича, а в его лице и для всей иезуитской историографии в целом, только

формой подачи все того же провиденциалистского мировоззрения. Вместе с тем, рассматривая причины освободительной войны, историк обходится в общем без привлечения потусторонних сил. Среди возможных причин войны он называет "неверность беспокойного народа", человеческую злость и, что очень важно, "невозможность терпеть чрезмерное угнетение" [24, с.1]. Одну из немаловажных причин происшедших событий иезуит Коялович видел в религиозном антагонизме между католиками и православными, а успехи народной армии Хмельницкого объяснял тем, что православные крестьяне и горожане повсеместно переходили на сторону восставших. Коялович отмечает, что королевская разведка под Зборовом не могла получить никаких сведений о войсках Хмельницкого из-за хитрости крестьян, которые были одной религии с запорожцами [24, с.74]. Граждане Немирова, по словам Кояловича, открыли восставшим ворота города, "поднятые на мятеж ненавистью к католической вере" [24, с.58].

В единстве веры украинцев и белорусов Коялович видел причину распространения восстания и на землях Великого княжества Литовского. Среди мотивов выступления историк ставит на первое место религиозную ненависть, меньше говорит о национальном единстве и полностью замалчивает главную причину освободительной войны - классовый гнет польско-литовских феодалов. Единством религии историк объясняет и поддержку, оказывавшуюся русским народом справедливой борьбе украинцев и белорусов. В изданном в 1650 г. "Собрании различных сведений, касающихся положения церкви в Великом княжестве Литовском", иезуит Коялович отметил, что военные действия 1648-1649 гг. не были бы столь удачны для восставших, если бы не единство религии белорусов и жителей Московского государства. Коялович подчеркивает, что восставшие всячески старались привлечь "Московит" к своей войне "за древнюю религию /так они называют свою схизму/ против Ляхов /так они называют людей римского вероисповедания/..." [23, с.60]. Отражая интересы магнатско-шляхетских кру-

гов Речи Посполитой, Коялович затушевывает реальные причины событий 1648-1654 гг., пытается доказать, что дело главным образом обстоит в неверности "взбунтовавшейся черни".

Личность Богдана Хмельницкого, как правило, историк обходит молчанием, избегая как похвалы, так и отрицательных оценок действий гетмана. Лишь раз, когда ученый касается посылки Б.Хмельницким в Белоруссию отряда М.Кричевского, он замечает, что гетман "в вопросах предупреждения опасности был скорее дальновиден и предусмотрителен, чем беззаботен" [24, с.37].

Если деятельность Хмельницкого Коялович, как правило, замалчивает, то крестьянско-казацкая армия гетмана удостаивается на страницах "Действий" самых нежелательных характеристик. Историк не упускает возможности при случае упомянуть о "жестокостях", чинившихся восставшими по отношению к шляхте и евреям, причем упор делается на религиозные чувства крестьян [24, с.13,14,61,64]. Одновременно Коялович замалчивает зверства, чинившиеся на Украине И.Вишневецким, не говорит о варварской расправе Я.Радзивилла над казацкими предводителями Михненко и Поддубским.

Особый интерес вызывает отношение Кояловича к различным представителям польско-литовской феодальной верхушки. Известно, что в этих кругах существовали достаточно серьезные разногласия по поводу способов подавления антифеодального, национально-освободительного выступления украинского народа. Имели место противоречия между литовскими и польскими феодалами, а внутри польской правящей верхушки - между сторонниками "мирного" и военного решения вопроса.

Что касается польско-литовских разногласий, то Коялович обходит их стороной. Вместе с тем, исходя из текста "Действия", можно заключить, что этот труд создавался при определенной поддержке, а возможно, и по заказу литовского подканцлера К.-Л.Сапеги. На стра-

нищах труда Кояловича нашел отражение почти каждый эпизод, связанный с действиями К.-Л.Сапеги в Белоруссии по подавлению восстания [24, с.4]. Большое внимание историк уделяет также описанию участия Сапеги в Зборовской экспедиции. Один из эпизодов начала сражения, в котором немаловажную роль сыграли литовские войска во главе с Сапегой, освещается у Кояловича на 5 страницах [24, с.78-82], в то время как в "Реляции о славнейшем продвижении..." и ряде других источников об этом упоминается в 2-3 строчках.

Противоречия внутри польской магнатории остаются вне поля зрения Кояловича. Отметим, что лидер наиболее воинственной группировки И.Вишневецкий пользуется явным расположением историка и удостоивается наиболее лестных оценок. В то же время, автор "Действий" восторженно отзываясь и о деятельности Яна-Казимира, чью кандидатуру назло элекции поддерживали, как известно, сторонники "мирного" решения вопроса [24, с.90]. Это кажущееся несоответствие объясняется поддержкой Яном-Казимиром К.-Л.Сапеги - тогдашнего вероятного покровителя Кояловича.

В целом необходимо отметить, что в работе "О действиях против запорожских казаков в 1648-1649 гг." Коялович выступает как выразитель интересов той части литовской шляхты и магнатории, которая поддерживала политику короля. В более широком смысле Коялович отражал интересы всего класса феодалов Речи Посполитой, отрицательно оценивал классовую борьбу украинского и белорусского народов, старался оправдать карательные меры польско-литовской шляхты по подавлению восстания.

Вместе с тем, завершая характеристику труда Кояловича, необходимо учитывать, что именно здесь впервые были обобщены в рамках единого произведения события начального этапа освободительной войны украинского народа, дана им первая историографическая оценка. Эта особенность сочинения Кояловича представляет несомненный научный интерес.

§ 2. Вопрос об авторстве "Комментария"

Определение авторства исторического произведения, или, другими словами, его атрибуция, является важным этапом историографического и источниковедческого исследования анонимного памятника. Решение вопроса об авторстве сочинения позволяет глубже проникнуть в обстоятельства его возникновения, а также определить круг тех проблем, которые призван был решить памятник в данной конкретно-исторической обстановке.

В этой связи несомненный интерес представляет атрибуция рассматриваемого нами анонимного произведения по истории освободительной войны "Комментария событий, произошедших в Великом княжестве Литовском во время русского восстания, в котором вместе с тем рассказывается, что делалось в это время в соседних провинциях Польского королевства" [35].

Это небольшое издание, форматом в $1/12$ листа, увидело свет в Кенигсберге, в типографии печатника Иогана Реуснера в 1653 г. Имя автора сочинения не было указано, отсутствовали и распространяемые в те времена посвящение книги и обращение к читателю, которые могли бы помочь установить имя историка.

Сочинение насчитывает 164 страницы, разделено на две книги, первая из которых включает повествование о событиях 1648-1649 гг., вторая - 1650-1651 гг. Большая часть приведенных в "Комментарии" сведений касается военных действий на территории Белоруссии, в то время как события на Украине представляются автором сочинения довольно схематично. Отметим, что, как правило, они выделяются в тексте произведения курсивом.

В 1655 г. было осуществлено переиздание "Комментария". На этот раз сочинение вышло в эльблонгской типографии Агата Корелли [36]. Новое издание было значительно больше по формату, чем

его кенигсбергский прототип ($\frac{1}{4}$ листа), однако на этом отличия практически заканчивались. Незначительные изменения в "Комментарии" 1655 г. носили в основном характер уточнения деталей повествования, на что уже обращалось внимание в литературе [56, с.228]. Издание 1655 г., так же как и предшествующее, лишено каких-либо предисловий и не содержит сведений об авторе, который, не исключено, сам вносил поправки в эльблонгское издание.

Анонимный автор "Комментария" главное внимание уделял литовским событиям освободительной войны, что сближает его труд с "Действиями" Кояловича. Однако, если Коялович в "Действиях" выступает как сторонник Сапеги, то аноним стоит на позициях враждебных Сапеге сил, выражая интересы литовского польного гетмана Я.Радзивилла.

Всеяческое превозношение заслуг гетмана, последовательное выражение удобной ему точки зрения является характерной чертой повествования "Комментария". Известный исследователь киевского похода Я.Радзивилла Я.И.Смирнов справедливо отмечал, что "прописные в обоих изданиях буквы имени кн. Януша в связи с общим содержанием книжки и многими ее местами, имеющими апологетический характер, а равно и некоторые характерные умолчания, с достаточной ясностью свидетельствуют, в чьих интересах она была составлена и кто был, в сущности, истинным ее автором" [56, с.229].

Действительно, издание, а затем и переиздание книги было инспирировано Я.Радзивиллом. Это была не единственная публикация об освободительной войне, организованная литовским польным гетманом. С позиций князя выступал также анонимный корреспондент издававшегося во Франкфурте-на-Майне немецкоязычного "Театра Европы". В вышедшем в 1652 г. шестом томе этого периодического издания была помещена довольно подробная информация о событиях в Белоруссии в 1648-1649 гг., выдержанная в апологетическом по отношению к Радзивиллу духе [37, с.810-817]. Прославляя собственные подвиги в

рассчитанных на европейского читателя изданиях, Я. Радзивилл стремился повысить свой авторитет в Европе, особенно среди протестантских государств, с тем, чтобы заручиться их поддержкой на будущее. Как известно, Радзивилл в этот период вынашивал планы выделения Литвы и прилегавших к ней земель в отдельное протестантское княжество, главой которого он видел себя. В этих тайных замыслах польного гетмана и следует искать причину выхода в свет "Комментария событий в Великом княжестве Литовском...", оба издания которого осуществлялись анонимно за пределами Литвы.

Остановимся более подробно на исторических и общественно-политических взглядах автора "Комментария". В подходе к оценке исторических событий аноним выступает сторонником провиденциалистского понимания истории, хотя в его трактовке событий сильны и элементы прагматизма. На страницах издания волею бога объясняется целый ряд фактов, в том числе победа литовских войск под Лоевом и польских - под Берестечком.

В выделенном курсивом фрагменте рассказывается, что за четыре дня до Лоевской битвы Радзивилл отправил на разведку отряд Коморовского. Возвращаясь из разведки в день битвы, Коморовский ударил в тыл войскам Кричевского, чем практически решил исход битвы. Причину столь удачного для литовцев совпадения обстоятельств автор "Комментария" видит в том, что в качестве пароля Коморовскому были даны слова: "Слався, боже" [35, с. 81].

Курсивом в тексте "Комментария" выделена и вставка о роли бога в Берестечкой битве. Примером его вмешательства анонимный автор считает неожиданное бегство татар с поля боя [35, с. 82].

Вместе с тем, оставляя за богом право влиять на судьбы людей в решающие моменты их жизни, автор "Комментария" большинство событий объясняет действиями и поступками самих людей. Он, в частности, отмечает, что "русинский народ", склонный к оружию, под-

нялся на призыв к бунту, выставив в качестве причины этого притеснения своей веры. В другом месте автор "Комментария" пишет, что крестьяне, кроме древних религиозных привилегий, боролись также за низвержение "шляхетского ярма" [35, с.47]. Безусловно, это признание вырвалось у шляхетского автора случайно, ненароком, в то время как свою основную задачу историк видел в доказательстве того, что главной причиной событий была "необузданность" восставших, их уверенность в безнаказанности и т.д. [35, с.97].

Вышеназванные замечания по поводу причин восстания относятся автором "Комментария" только к событиям на Украине, причину же выступления белорусского крестьянства он сводит лишь к "дурному примеру" со стороны, который стал возможен в силу национальной близости и религиозного единства украинцев и белорусов [35, с.47].

Необходимо отметить, что при общем отрицательном отношении к восставшим автор "Комментария" воздерживается от филиппик в адрес противника, причем это касается как рядовых участников событий, так и предводителей восстания. Что касается руководителей, то анонимный автор не дает им какой-либо оценки. Даже М.Кричевский, биографические сведения о котором приводит автор "Комментария", не удостоивается ни положительных, ни отрицательных замечаний по своему адресу. Отсутствует на страницах "Комментария" и характеристика Е.Хмельницкого, а среди предпринимавшихся им действий оценку получил только молдавский поход 1650 г. Обычно сдержанный и внешне беспристрастный автор "Комментария" вдруг обрушивается градом обвинений в адрес гетмана, задавшегося, по словам анонима, пустой надеждой укрепить свое положение, заключив брачный союз с сильнейшим в округе государем [35, с.897]. Причиной столь резкой критики были родственные связи князя Януша с Молдавским Господарем Василием Луцулом.

Что же касается враждебного освободительной войне польско-ли-

товского лагеря, то автор "Комментария" всячески превозносит его деятелей, говорит о справедливости велений ими войны, замалчивает жестокости, творимые ими на территории Украины и Белоруссии. Среди представителей правящих кругов наиболее лестных оценок удостоивается литовский польный гетман Януш Радзивилл, по чьему заказу и был написан "Комментарий". В тексте сочинения титул Я.Радзивилла был выделен и набран заглавными буквами, в то время как, говоря о других сановниках Речи Посполитой, автор выделяет подобным образом только их имена. Обычно польские и литовские авторы, писавшие по латини, переводили гетманский титул словом " *Dux* ". Автор "Комментария" также несколько раз употребляет этот термин, говоря о Радзивилле, но в большинстве случаев называет его императором (*Imperator*). Хотя это слово и может переводиться как "военачальник", "победитель", однако его главное значение - "монарх", "глава государства", "государь". Пытаясь угодить своему заказчику, автор "Комментария" всячески поддерживает его претензии на монарший престол. Говоря о въезде князя в Киев, историк отмечает, что Радзивилл вступил в город через Золотые ворота, известные тем, что через них вошли в Киев два короля [35, с.120].

В годы освободительной войны Радзивилл пытался проводить относительно самостоятельную политику по отношению к гетманской администрации. Он неоднократно обменивался посольствами с Ф.Хмельницким, заключал с казаками тайные договоренности, часто шедшие вразрез с указаниями из Варшавы, и вообще пытался максимально использовать происходившие события в своих собственных интересах, избегая при этом открытого конфликта с двором. Отголоски этих столкновений и разногласий Я.Радзивилла с королем зачастую находим на страницах "Комментария".

Описывая события освободительной войны, так или иначе затрагивавшие интересы Я.Радзивилла, автор "Комментария" становится на

его точку зрения, последовательно отставив ее на протяжении всей книги. Как правило, это касается не только "литовских" событий, но и рассказа о положении дел на Украине, хотя это повествование отличается большей степенью объективизма.

Несмотря на то, что известия о событиях в провинциях Короны несут довольно фрагментарный характер, иногда на страницах "Комментария" находим заслуживающие внимания замечания. Пилявцы, например, оцениваются историком как "печальный и позорный для Речи Посполитой случай, не достойный того, чтобы о нем упоминали в исторических анналах" [35, с.24,25]. Причину катастрофы аноним видит в отстранении от власти И.Вишневецкого.

Вполне определенно автор "Комментария" высказывает свое отношение к Зборовскому мирному договору. Аноним называет его несправедливым и отмечает, что его условия были вырваны Хмельницким у поляков [35, с.89]. Такой точкой зрения на Зборовский трактат объясняется и откровенный рассказ "Комментария" о подготовке польских войск к возобновлению войны в начале 1651 г. Особо ценным представляется сообщение о том, что первыми мир нарушили польские войска во главе с Калиновским, который вторгся на территорию Брацлавщины [35, с.98]. Подобную "объективность" анонимного автора, безусловно, не следует переоценивать, т.к., говоря об экспедиции Калиновского, он прежде всего подчеркивает ее неудачное окончание, что являлось лишним аргументом Я.Радзивилла для отсрочки своего похода на Украину в летнюю кампанию 1651 года.

Позиция князя Януша отразилась и на отношении "Комментария" к королю, видным военачальникам и сановникам Речи Посполитой. Оценку анонимом действий короля и польских гетманов в целом можно охарактеризовать как сдержанную. Из числа польских военачальников наиболее лестной характеристики удостоился И.Вишневецкий [35, с.12-19].

Что касается деятелей Великого княжества Литовского, то "Комментарий" довольно высоко оценивает только тех из них, кто служил под началом Я.Радзивилла. В то же время аноним вообще не упоминает Казимира-Льва Сапегу, отметив лишь в нескольких словах, что гарнизон Быхова, города подканцлера В.Ч.Л., храбро и успешно отразил врага [35, с.3]. Таким образом, отношение "Комментария" к различным деятелям польско-литовского феодального лагеря также было заранее запрограммировано заказчиком.

Кто же был автором "Комментария" и непосредственным исполнителем рекомендаций князя Януша? Анализ приведенных на страницах произведения сведений позволяет сделать ряд предположений относительно его автора, однако сначала рассмотрим сложившиеся в литературе точки зрения по этому вопросу.

Видный исследователь средневековой польской и немецкой литературы Д.Браун еще в первой половине XVIII века высказал предположение о том, что автором "Комментария" явился известный нам Альберт Вивк Коялович. Предположение ученого основывалось на его догадках и не было подкреплено серьезными аргументами [66, с.165-166]. Тем не менее эта точка зрения достаточно укоренилась в польских библиографических и справочных изданиях XIX в., где зачастую считали, что "Комментарий" является расширенным вариантом "Действий" [65, с.754; 71, т.7, с.494]. К числу сочинений Кояловича отнес "Комментарий" и В.А.Сербента, автор статьи об ученом в "Советской исторической энциклопедии" [75, с.17].

Определенное распространение получила также точка зрения на авторство "Комментария", высказанная И.Яношким и популяризированная позже К.Эстрайхером [77, т.19, с.402]. Яношкий отрицал причастность Кояловича к созданию "Комментария" и, исходя из немецкой транскрипции содержащихся в издании названий, считал, что автором этого произведения был немецкий историк. Поддержка К.Эстрайхером

этой точки зрения во многом способствовала ее укоренению в современной справочной литературе, хотя сам Эстрайхер проявил недостаточную последовательность в этом вопросе. Так, в другом месте своего фундаментального труда он указывает со ссылкой на Д.Брауна, что в основе "Комментария" лежат "Действия" А.Кояловича [77, т.26, с.253].

Как видим, ни одна из охарактеризованных выше точек зрения не была подкреплена достаточно вескими доказательствами. Рассмотрим сначала предположение И.Яноцкого. Отдельно взятое, оно не может претендовать на самостоятельное существование и предполагает лишь отрицание точки зрения Д.Брауна, т.к. не выдвигает сколько-нибудь конкретной гипотезы. Указываемая И.Яноцким немецкоязычная транскрипция некоторых имен собственных легко может быть объяснима как местом публикации "Комментария", так и его предназначением. Транскрипцию географических названий мог изменить по собственному усмотрению кенигсбергский издатель "Комментария" Иоган Реуснер или кто-либо из его окружения. Такая транскрипция могла быть избрана и самим автором произведения, ориентировавшим свой труд главным образом на европейского, в том числе и немецкого читателя. То есть, причин употребления немецкоязычной транскрипции может быть несколько, и приписывание "Комментария" перу немецкого автора только на этом основании не может быть признано убедительным.

Более конструктивным, с нашей точки зрения, является предположение об авторстве Кояловича. Характерно, что основные мировоззренческие позиции авторов "Комментария" и "Действий" совпадают, сходно также понимание причин освободительной войны, оба историка симпатизируют деятельности И.Вишневецкого и т.д.

Основные различия вызваны противоположной ориентацией рассматриваемых произведений: прорадзивиловской автора "Комментария" и просапежанской Кояловича.

Мог ли автор "Действий" столь резко изменить свою ориентацию,

переметнувшись из лагеря Сапег в лагерь Радзивиллов? Предположительно, мог. Подтверждение этому находим в трудах, принадлежность которых перу Кояловича не вызывает сомнений. Мы уже отмечали, что в 1653 г. в Вильнюсе из печати вышла "Хроника Радзивиллов", автором которой был Коялович. Издание имело посвящение Я. Радзивиллу, носившее довольно подобострастный характер. Это посвящение служит безусловным доказательством переориентации Кояловича на Я. Радзивилла, которая произошла к 1653 г., т.е. ко времени выхода в свет "Комментария".

Обращает на себя внимание определенная сюжетная взаимозависимость "Комментария" и тех сюжетов "Хроники Радзивиллов", где говорится об освободительной войне. В обоих произведениях в одинаковой последовательности сообщается о движении войск Ч. Радзивилла на элекционный сейм 1648 г., расправе шляхетских войск под командованием Мирского над жителями Пинска, Лоевском сражении, Берестецкой битве и других событиях освободительной войны вплоть до заключения Белоцерковского мира 1651 г. Кроме сюжетной близости анализируемых сочинений, есть основания говорить о фактологическом взаимовлиянии "Комментария" и "Хроники": в памятниках совпадают данные о численности войск М. Кричевского накануне Лоевской битвы (40 тысяч), отряда М. Небабы во время боя под Репками (15 тысяч). Как и Коялович, автор "Комментария" перечисляет родственников Я. Радзивилла, принимавших участие в формировании шляхетских отрядов для борьбы с восставшими летом 1648 г., и т.д. [35, с. 21, 29, 32, 54, 69, 99, 107, 113, 116. Ср.: 26, с. 99-105].

Подобная "близость" вышедших в одном и том же году произведений является существенным аргументом в пользу принадлежности "Хроники Радзивиллов" и "Комментария" перу одного и того же автора.

Фактически не остается существенных препятствий для отождествления Кояловича с личностью автора "Комментария": совпадают ни-

ровозренческие позиции авторов "Действий" и "Комментария", находят убедительное объяснение в биографии Кояловича причины различной политической ориентации "Действий", с одной стороны, "Комментария" и "Хроники Радзивиллов" - с другой. В пользу авторства Кояловича говорит и то, что при дворе Я.Радзивилла мы не видим в этот период другого столь же эрудированного и мастерски владеющего латынью автора, перу которого можно было бы отнести "Комментарий". Вместе с тем мы располагаем только косвенными данными об авторстве Кояловича.

Причины анонимного издания "Комментария" пока можно только предполагать. Не исключено, что историк опасался преследований со стороны враждебных Я.Радзивиллу кругов, возможно, сам князь по тем или иным причинам распорядился не указывать имя зависевшего от него автора.

В целом же необходимо отметить, что "Комментарий", написанный с позиций одного из крупнейших литовских феодалов, является интереснейшим памятником исторической и политической мысли рассматриваемого периода и отражает те противоречия, которые имелись внутри магнатско-шляхетского лагеря по поводу методов подавления освободительной борьбы украинского и белорусского народов. Большое источниковедческое значение имеет фактический материал, приведенный автором "Комментария", не утративший до сих пор свою научную ценность.

ГЛАВА II. ЛАТИНОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА

КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Произведения об освободительной войне украинского народа, написанные в период с 1648 по 1654 год, представляют особый научный интерес. Созданные по свежим следам происходивших событий, они отразили не только господствовавшие тогда в польско-литовском ла-

гере идеи и настроения, но и впитали в себя немало разнообразных источников по истории освободительной войны.

§ I. Источники информации об освободительной войне
в произведениях середины XVIII века

Изучаемые сочинения были написаны людьми высокообразованными, профессионально занимавшимися историческим трудом. Мы не располагаем сведениями о непосредственном участии авторов рассматриваемых сочинений в военных действиях 1648-1654 гг. Не дает оснований для такого заключения и изучение текстов произведений. Следовательно, представленный в работах материал попадал туда из "вторых рук". Как правило, историки использовали письменные источники, реже это была устная информация участников событий. Определенная часть материалов черпалась литовскими авторами из архивов их покровителей, однако немало сведений они заимствовали также из распространявшихся на территории Речи Посполитой "летучих листов", писем и т.д. Документы подобного рода неоднократно копировались и вследствие этого сохранились в некоторых собраниях и архивах, что дает возможность, сравнив их с текстом рассматриваемых произведений, выделить источники, которыми пользовались историки середины XVIII века.

Использованные литовскими авторами источники целесообразно разделить на две большие группы: 1) печатные произведения (исторические сочинения, рецензии, "летучие листки" и т.д.); 2) рукописные материалы (сеймовые решения, письма, войсковые дневники).

Напомним, что первым обобщающим произведением о событиях освободительной войны была книга А.В.Кояловича "О действиях против запорожских казаков в 1648-1649 гг." Коялович не имел предшественников, чьи бы описания столь широко хронологически и географически охватывали события этого периода. Вместе с тем к 1651 г. уже был издан ряд печатных произведений, освещавших отдельные эпизоды освободительной войны. Увидела свет рецензия о Зборовской битве [9,

с.288-308], сочинение А.Бытомского об осаде восставшими Замостья [15], произведения о "подвигах" И.Вишневецкого пера Я.Бялобоцкого [14], а также ряд "летучих листов" и стихотворных поэм преимущественно о Збаражской осаде и Зборовской битве [52].

К числу печатных источников, использованных Кояловичем, следует отнести "Светоч военной славы" Я.Бялобоцкого. Полностью это произведение носит следующее заглавие: "Светоч военной славы его милости сиятельнейшего князя Иеремии Корибута на Вишневце и Лубнах Вишневецкого, воеводы Русского, старосты Каневского и т.д. и т.д., состоящей из четырех частей и написанный в 1648 г. урожденным Яном Бялобоцким, секретарем Е.К.М." [14]. В том же году появилось новое издание "Светоча", дополненное "Блеском мужества", работой, рассказывающей о пребывании И.Вишневецкого под Збаражем [71, т.13, с.4].

В "Светоче военной славы" его автор в стихотворной форме довольно подробно описывает карательную экспедицию отрядов Вишневецкого на Украине летом 1648 года.

Коялович положил поэму Бялобоцкого в основу второго очерка "Действий". Как и Бялобоцкий, вильнюсский историк начинает рассказ о военных операциях Вишневецкого с описания попытки князя прийти на помощь находившимся под Корсуном "кварцяным" войскам во главе с П.Потоцким и М.Калиновским. Оба автора сообщают, что Вишневецкий, бывший тогда на Правобережье, хотел переправиться через Днепр у села Срыши, однако не смог это сделать из-за противодействия восставших [14, с.А₂ об. Ср.: 24, с.54].

В рассматриваемых памятниках совпадает дата Корсунского поражения польских войск. Бялобоцкий сообщает об этом под 26 мая, ту же информацию находим у Кояловича: 7 Kal. Jun. [14, с.А₂ Ср.:24, с.53]. На основании сведений, содержащихся в "Светоче", Коялович пишет, что восстание вспыхнуло так неожиданно, что местные магна-

ты (имеется ввиду Вишневецкий) не успели помочь гетманам своими войсками [24, с.53].

В полном соответствии с данными Бялобоцкого Коялович сообщает о дальнейшем маршруте бежавшего с Украины князя: отход к Лубнам, переправа у Лубеча, прибытие в Брагчи и последующее продвижение по направлению к Житомиру [14, с. А₄. Ср.: 24, с.56].

Зачастую Коялович просто делает свободный перевод с польского языка на латынь стихов Бялобоцкого, лишь незначительно "приземляя" стиль "Светоча". Достаточно отчетливо это видно из описания Кояловичем и Бялобоцким событий, предшествовавших хорошо известному в литературе бою под Махновкой.

БЯЛОБОЦКИЙ

В то время, когда казаки отовсюду ведут полки, князь сносится с другим воеводой - земли Киевской, славным Тышкевичем, в рыцарском деле старым героем: как бы соединить свои силы и где лучше всего расположить обоз. Решил князь идти к Константинову, где в широком поле есть готовая крепость. Двинувшись с войсками из Погребниц, построив как обычно табор, он шел со своими напрямик к Грицею ... [14, с.В₂].

Совпадают подробности самого боя за Махновку между шляхетскими войсками и отрядами восставших. В соответствии с данными Бялобоцкого Коялович повествует также о взятии восставшими Полонного [14, с. В₄ об. Ср.: 24, с.63-64].

КОЯЛОВИЧ

Таким образом, договорившись соединиться с храбрым воинем воеводой Киевским Янушем Тышкевичем, проверив и построив войска, а также образовав табор, он двинулся от Погребниц к Грицею, лагерь, расположенному под Константиновом, неплохо укрепленному, хотя и расположенному среди поля [24, с.60].

Наиболее полное отражение в сочинении Бялобоцкого получил бой под Русоловцами в непосредственной близости от Константинова. Так же тщательно повествует об этом сражении и Коялович, лишь незначительно сокращая информацию "Светоча". Так, литовский историк опускает обращение Вишневецкого во время боя к богу, не приводит слова Кривоноса, зарифмованные и набранные в тексте "Светоча" курсивом [14, с. С₁ об., С₂ об.]

В целом же необходимо отметить, что второй очерк "Действий" Кояловича был создан на основе "Светоча" Бялобоцкого, откуда заимствован не только фактографический материал, но и основные оценки военных действий лета 1648 г., а также личности самого И.Вишневецкого. Вслед за Бялобоцким Коялович стремился всячески обелить палача украинского народа.

При внимательном изучении описания Кояловичем Зборовской битвы обнаруживаются следы использования ряда рукописных документов. В первую очередь это касается письма Анджея Мяковского, подкомория Львовского, королевичу Каролу из-под Зорова. Сегодня известно несколько вариантов этого письма. Один из них опубликован в сборнике документов А.Грабовского [16, с.260-266], два других - в книге Я.Михаловского [31, с.435-439] и "Исторических очерках" Л.Кубали [69, с.175-182]. Наиболее близки между собой копии Грабовского и Михаловского, хотя между ними и существует ряд различий. Существенно отличается от этих копий текст письма, приведенный Кубалей. Вариант Кубали лег в основу вышедшего в 1649 г. немецкоязычного "летучего листка" [12], эта же копия была использована Кояловичем.

С письмом А.Мяковского в работе вильнюсского историка совпадают некоторые детали построения польских войск, а также описание татарской атаки, обрушившейся на эти части. Амплификация приведенных в письме сведений напоминает пересказ Кояловичем письма Яна-Казимира к татарскому хану. Особый интерес вызывает рассказ Кояловича о

передаче татарокому хану королевских даров через А.Мясковского. Историк указывает, что хан находился в окружении своего брата Султана-Калги и Султана-Нурадина. Эти же данные находим в копии Кубалей [69, с.180. Ср.: 24, с.95].

Таким образом, использование Кояловичем письма Мясковского к королевичу Каролу в его копии, близкой к варианту, опубликованному Кубалей, не вызывает сомнений.

Ряд приведенных в "Действиях" данных находит параллельные чтения в других известных сегодня источниках. Так, немало присутствующих у Кояловича подробностей Зборовской битвы совпадает со сведениями, приведенными в "Дневнике" экспедиции и переговоров под Зборовом 1649 г. [9, с.243-248].

Некоторые факты в повествовании Кояловича совпадают с информацией, приведенной в другом памятнике, озаглавленном "Дневник экспедиции против казаков, которая началась под Белым Камнем и закончилась договором под Зборовом" [9, с.273-277].

Все вышеперечисленные источники, так или иначе привлекавшиеся Кояловичем, относятся ко второму и третьему разделу его работы, что же касается первого очерка, т.е. рассказа о событиях на территории Белоруссии в 1648-1649 гг., то здесь нам не удалось с достаточной степенью точности определить источники "Действия".

Приступая к анализу источников, использованных анонимным автором, рассмотрим в первую очередь вопрос о взаимоотношении "Комментария" и произведения Исахиима Пастория [74, т.3, с.334] "Война скифо-казацкая...", вышедшего в Гданьске в 1652 году [32].

Вопрос о влиянии на "Комментарий" сочинения И.Пастория уже обсуждался в литературе. Автор вышедшего в XVIII веке исследования "О писателях Польши и Пруссии..." Д.Браун считал, что "Комментарий" очень близок к "Войне" Пастория. По мнению Д.Брауна, на основании этого произведения в "Комментарии" были изложены "польские события"

родство же между описаниями "литовских" событий объяснялось использованием Пасторием реляций Я.Радзивилла, известных также и автору "Комментария" [56, с.165]. В большей или меньшей степени эта точка зрения была разделена также исследователем начала XX века Я.И.Смирновым [56, с.228]. Тем не менее вопрос до сих пор остается открытым ввиду того, что ни один из упоминаемых авторов не опирался в своих выводах на тексты сочинений.

Сопоставление между собой данных "Войны" и "Комментария" позволяет утверждать о зависимости ряда сюжетов "Комментария" от приведенных Пасторием сведений.

"Польские события", как правило, излагаются анонимным автором слишком поверхностно, чтобы можно было определить их источник. Об определенной сюжетной зависимости от Пастория приходится говорить лишь рассматривая рассказ "Комментария" о Берестецкой битве [35, с.122-144. Ср.: 32, с.141-201], однако данные анонима носят настолько общий характер, что могли быть почерпнуты и из другого источника.

Зависимость текста "Комментария" от данных "Войны" становится достаточно заметной в рассказах анонимного автора о пребывании литовских войск в Киеве и их соединении с польской армией.

На основе труда Пастория "Комментарий" сообщает о прибытии к Хмельницкому 6-тысячного татарского отряда и начале переговоров между восставшими и польско-литовскими войсками под Белой Церковью.

ПАСТОРИЙ

Выговский чуть ли не с мольбами упросил, чтобы эти переговоры о мире состоялись в Белой Церкви. Все это через казаков, сопровождавших возвращавшегося Маховского, было передано гетманам, пос-

КОММЕНТАРИЙ

... для предварительной выработки мирных условий встретились Маховский от наших парламентаров и Выговский, очень авторитетный среди казаков делегат; в Белую Цер-

ле тщательного обдумывания было решено послать комиссаров, которыми были назначены Адам Кисель, воевода киевский, Георгий Глебович, воевода смоленский, Винцентий Корвин Гонсевский, стольник В.К.Л., и Михаил Коссаковский, подсудок брацлавский. 15 сентября они в достаточно сильном сопровождении выехали из лагеря, однако в город было впущено не больше 500 всадников [32, с.248].

ковь были посланы мужи выдающихся достоинств, светлейшие Адам Кисель, воевода киевский, Георгий Глебович, воевода смоленский, Винцентий Корвин Гонсевский, стольник В.К.Л., и Михаил Косаковский, подсудок брацлавский. Они отправились к крепости в достаточно мощном сопровождении, однако были впущены туда только с 500 товарищами...

[35, с.154].

Эта же информация, правда в более пространным изложении, содержится в использовавшемся Пасторием дневнике, однако здесь указывается, что комиссары были отправлены 16 сентября [16, с.299]. Как видим, в этом случае "Комментарий" следует именно за текстом "Войны" И.Пастория.

В целом можно говорить о безусловном влиянии "Войны скифо-казацкой" на такие сюжеты "Комментария", как пребывание литовских войск в Киеве, разгром семи польских хоругвей под Павлочью, штурм Трилес и заключение Белоцерковского мирного договора [32, с.227-240,248. Ср.: 35, с.142,143,157].

Кроме сочинения Пастория, обнаруживается влияние на "Комментарий" еще одного печатного источника. Им является немецкоязычный "Театр Европы", издававшийся во Франкфурте-на-Майне начиная с 30-х годов XVII века. В 1652 г. вышел в свет шестой том этого периодического издания. В нем, наряду с другой информацией, стекавшейся в Германию со всех концов Европы, было помещено также ряд материалов об освободительной войне. В Пестор том освещены только

первые два года войны, закончив рассказ о ней описанием Зборовской битвы и Лоевского сражения 1649 г.

Как показало проведенное исследование, целый ряд содержащихся в "ТЕ" фактов о "литовских" событиях 1649 г. находит параллельные чтения в "Комментарии".

Наиболее полно зависимость автора "Комментария" от "ТЕ" проявляется в описании Лоевской битвы [37, с.816-817. Ср.: 35, с.70, 71, 74, 77, 78]. С информацией "ТЕ" совпадает немало подробностей как предистории, так и самого хода сражения.

В обоих памятниках находим сходный рассказ о решении Кричевского двинуться на лагерь Радзивилла и захвате им местечка Хелмеч.

ТЕАТР ЕВРОПЫ

Поэтому он двинулся к лагерю и по пути взял благодаря измене горожан местечко Хелмеч. Жители города притворились, что хотят выгнать скот на пастбище и открыли ворота, о чем дали знать ударом колокола, и он смог свободно войти [37, с.814].

КОММЕНТАРИЙ

Итак, когда войска находились уже в 4 милях от Речицы, он внезапно изменил направление движения и отправился под Лоев к нашему лагерю. По пути захватил Хелмеч, единственную здесь крепость, из-за предательства горожан, которые открыли ворота под видом выгона на пастбище крупного рабочего скота... [35, с.66(36)].

Необходимо отметить, что указанное сходство отдельных фрагментов "Комментария" и "ТЕ" касается не только фактического материала, но и позиции обоих авторов, их точки зрения на события освободительной войны. Безусловно, что эти инспирированные Я.Радзивиллом издания были тесно связаны между собой. Они могли основываться на одних и тех же источниках, представленных Радзивиллом, или же автор "Комментария" мог использовать содержащуюся в "ТЕ" информацию

и развить изложенные там положения. Что касается рукописных источников "Комментария", то к их числу следует отнести показания попавшего в плен в битве под Лоевом писаря овручского полка Ивана Невмерецкого, письмо Януша Радзивилла к королю о Лоевской битве и написанную на его основе реляцию.

В состав так называемых показаний И.Невмерецкого, кроме его собственного признания, входят показания сотенного писаря овручского полка М.Бруйки, седневского атамана Я.Трухомовки, а также краткие сведения о потерях восставших и их отходе из Белоруссии [72, с.499-502]. На основании этих материалов автор "Комментария" изложил биографические сведения о Кричевском, рассказал о полученном казацким полковником письме Б.Хмельницкого [35, с.54,65. Ср.: 72, с.500,501].

Особый интерес представляет информация о составе и численности войск восставших, которую находим на страницах "Комментария". Историк сообщает, что Кричевский двинулся в поход во главе киевского полка, который насчитывал 15 тысяч человек, по ходу движения присоединил к себе 2 тысячи чернобыльцев под командованием Михаила Панкевича, позже подошел овручский полк Ивана Бруйки (6 тысяч человек) и пятитысячный отряд Григория Голоты [35, с.66(36)]. Эти данные не согласуются с показаниями И.Невмерецкого, определявшего численность киевского полка в 10 тысяч человек, отряда Панкевича - в 2 тысячи, полка Я.Бруйки - в 3,5 тысячи, отряда Г.Голоты - в 2 тысячи человек, однако полностью совпадают с информацией, сообщенной другим пленным - Николаем Бруякой, двоюродным братом овручского полковника Яна Бруйки [72, с.501]. Анонимный автор "Комментария" считал их более достоверными, очевидно, опираясь на слова самого Кричевского; также приведенными в "показаниях И.Невмерецкого", что в киевском полку было 15 тысяч человек [72, с.501].

Кроме отмеченных выше фрагментов, с содержащимися в "показаниях И.Невмерецкого" сведениями совпадает повествование "Комментария" о решении Кричевского атаковать литовский лагерь без согласия старшины, о проведенной казацким полковником рекогносцировке, в которой участвовало до сотни командиров, захвате литовцами в лагере восставших 4-х пушек, потерях восставших и т.д. [35, с.67, 68, 76, 79. Ср.: 72, с.500-502].

Для описания Лоевской битвы анонимным автором широко привлекались также письмо Я.Радзивилла к королю и реляция о Лоевском сражении. Известная близость письма и реляции зачастую затрудняет определение того, каким именно из двух источников пользовался автор "Комментария".

С содержащейся в реляции информацией совпадает большинство сведений "Комментария" о всех этапах сражения: начале боя, ударе в тыл восставшим отряда Коморовского, ряд деталей о попытке войск Пободайло прийти на помощь частям Кричевского, оттеснении основных сил восставших к лесу, разгроме казацкого табора и т.д. [35, с.69-79. Ср.: 68, с.416-419]. Говоря о влиянии письма Я.Радзивилла на текст "Комментария", необходимо также упомянуть о данных, рассказывавших об участии в сражении хоругвей под командованием Гроция, Курпского и Мелешко. Эта информация, сообщаемая Я.Радзивиллом, не попала в реляцию, однако отразилась на страницах "Комментария" [35, с.37. Ср.: 68, с.368]. Таким образом, как можно судить из проведенного сопоставления, анонимный автор "Комментария" был достаточно хорошо знаком как с письмом, так и реляцией о Лоевской битве.

В целом же среди известных сегодня изданий и документов, которые были использованы историком, необходимо назвать "Войну скифо-казацкую" И.Пастория, информацию неизвестного корреспондента "Театра Европы", материалы, находящиеся в "показаниях И.Невмерец-

кого" и, наконец, письмо Я. Радзивилла к королю о Лоевской битве и официальную реляцию об этом сражении. Все эти источники были знакомы автору "Комментария" и отразились в его произведении.

§ 2. Оригинальные сведения А. Кояловича и автора
"Комментария"

Среди общего комплекса источников по истории освободительной войны украинского народа 1648-1654 гг. исторические сочинения современников занимают особое место. Если документальные источники несут в себе непосредственную информацию о событии, то данные рассматриваемых произведений являются опосредованными и, как правило, повествуют о событии на основании его отражения в том или ином документе.

Анализируемые сочинения были написаны по свежим следам происходивших тогда событий освободительной войны и основываются на большом количестве документальных источников, а также устных свидетельствах современников. Выше был рассмотрен и идентифицирован ряд сюжетов исторических произведений, заимствованных их авторами из известных сегодня источников или родственных им материалов. В то же время немало информации, содержащейся на страницах "Действий" и "Комментария", не находят аналогий в известных документах и представляют, таким образом, значительный источниковедческий интерес.

Наиболее целесообразно рассматривать в первую очередь во взаимосвязи между собой, а также другими источниками данные изучаемых произведений за период с 1648 по 1649 год (сначала украинские события, затем белорусские). В том же порядке исследуются оригинальные данные о событиях 1650-1651 гг.

При анализе известий изучаемых авторов, определении степени достоверности их информации учитывается принадлежность историков к враждебному освободительной войне лагерю, классовая, религиозная и национальная направленность их сочинений.

Важным сюжетом, на котором необходимо остановиться, рассматривая оригинальные известия литовских авторов середины ХУП века, является Зборовская битва. Ряд оригинальных данных о ней содержится на страницах "Действий" А.Кояловича.

Интересующая нас информация касается главным образом участия в этом сражении литовских отрядов. Коялович, в частности, сообщает, что К.-Л.Сапега предоставил в распоряжение короля еще под Льблином 600 пехотинцев, вооруженных по немецкому образцу, которых он набрал и содержал за собственный счет [24, с.84]. Довольно подробно историк описывает начало сражения: татарскую атаку на польский обоз, где в это время находился со своими хоругвями Сапега. По свидетельству историка, литовский подканцлер в течение шести часов отражал татарские атаки, причем его собственные силы состояли всего из семи хоругвей [24, с.79-81]. В "Действиях" находим и другие подробности развернувшегося на этом участке боя.

В целом, анализируя оригинальные известия Кояловича о Зборовской битве 1649 г., необходимо отметить, что они, хотя и представляют определенный интерес, несут, как правило, уточняющий характер и касаются в большинстве случаев начального этапа сражения.

Гораздо больший интерес представляют сведения Кояловича о событиях 1648-1649 гг. на территории Белоруссии. В ряде случаев информация "Действий" дополняется оригинальными известиями "Комментария". Сведения Кояловича и анонимного автора наиболее целесообразно рассматривать в комплексе, в этом случае исследование их данных приносит наибольший результат. На страницах "Действий" содержится немало ценной информации о начале народного восстания на белорусских землях, которое историк относит к маю 1648 г. [24, с.3, 8, 9]. В частности, Коялович подробно описывает карательные экспедиции против восставших отрядов оршанской шляхты под руководством

князя Друцкого-Горского в конце лета - начале осени 1648 г. Как следует из текста "Действий", оршанская шляхта собралась в лагере под Могилевом 31 июля, затем Горский двинулся под Новый Быхов, где усилился двумя хоругвями Я.Паца, после чего расположил лагерь под Рогачевом. 29 августа одному из шляхетских отрядов удалось напасть на отряд казаков и крестьян, двигавшихся из Гомеля на Быхов. Потери восставших составили 70 человек. В это же время другой отряд шляхтичей, из 60 человек, под командованием К.Миладовского двинулся к Жлобину, под Стрешином напал на группу крестьян, направлявшихся к Слуцку, и, по словам Кояловича, разогнал ее. Потери восставших составили 30 человек. 6 сентября 1648 г. шляхтичи устроили расправу над жителями села Луки, после чего поспешно отошли и расположились лагерем между Новым и Старым Быховом. Отсюда войска Горского предпринимали вылазки против восставших. Так, по данным "Действий", по одному берегу Днепра был послан во главе 6 хоругвей сын Горского, а по другому - двинулось 800 человек во главе с Вейсой и Пацом 24, с.6-8/.

За исключением свидетельства Кояловича, в нашем распоряжении нет материалов, касающихся именно этих событий лета-осени 1648 г., поэтому достоверность приведенной здесь информации не может быть подтверждена. Вместе с тем мы не имеем и сведений, опровергающих эти данные Кояловича. Следует отметить, что превозносимые историком-иезуитом "подвиги" оршанской шляхты на самом деле представляли собой карательные экспедиции хорошо вооруженных и обученных отрядов против незначительных групп показавшихся белорусских крестьян, а зачастую против мирного гражданского населения, как, например, в случае с деревней Луки.

Коялович, как, впрочем, и "Комментарий", лишь в общих словах упоминает о Горвальском поражении отрядов Мирского, зато оба автора довольно подробно распространяются о неудачной для восставших осаде Слуцка. Наиболее полный рассказ об этих событиях содер-

жится на страницах "Комментария". Как сообщает анонимный автор, Я.Радзивилл отправил в свое время на помощь гарнизону Слуцка отряд во главе с Гшкевичем. Начальник обороны города Сосновский, чувствуя себя неуверенным перед лицом подошедших к Слуцку войск восставших, а также зная о сочувствии им городской бедноты, начал вести переговоры о сдаче города. Тем временем в Слуцк ночью вошли еще 4 шляхетских отряда и соотношение сил изменилось не в пользу восставших, они вынуждены были снять осаду [35, с.22,23]. Коялович лишь незначительно дополняет информацию "Комментария". Как следует из текста "Действий", среди пришедших на помощь Сосновскому отрядов была минская хоругвь, а во время штурма, последовавшего за усилением гарнизона, восставшие потеряли около тысячи человек [24, с.107].

Сопоставим сведения рассматриваемых авторов с данными об осаде Слуцка, известными из других источников. В повествовании "ТБ" об этом эпизоде освободительной войны указывается, что Радзивилл направил на помощь гарнизону города отряд венгерской пехоты [37, с.374]. Фактически эта информация служит подтверждением данных "Комментария" о посылке в Слуцк отряда Гшкевича, т.к. известно, что годом спустя, в Лоевской битве 1649 г., Гшкевич командовал именно венгерской пехотой [24, с.41]. В письме Яна Сосновского, виленского подстоля и губернатора Слуцка, написанном им в Слуцке 23 августа 1648 г., находим подтверждение данным "Комментария" о замышлявшемся городской беднотой переходе на сторону восставших, в другом письме, отправленном из Вильнюса 2 сентября 1648г., — подтверждение информации о вступлении ночью в Слуцк именно четырех хоругвей [31, с.178].

Как видим, большая часть рассмотренных здесь данных подтверждается другими источниками, что предполагает достоверность и остальных сведений историков, в частности, утверждения Кояловича о

том, что среди вошедших в город частей была минская хоругвь.

Труд Кояловича является незаменимым источником о событиях осени 1648 г. и дает возможность достаточно детально представить размах восстания в Белоруссии в то время, когда Я.Радзивилл вместе с большей частью своих войск находился на элекционном сейме.

В литературе было высказано мнение о том, что Я.Радзивилл, уйдя на сейм с частью войска, все остальные силы двинул к Бресту [38, с.107]. В действительности дело обстояло иначе, о чем свидетельствуют и Коялович и автор "Комментария". По их данным в это время в Восточной Белоруссии оставались войска В.Воловича, расположенные у Речицы, а также шляхетские отряды Горского, которому Радзивилл приказал держаться Днепра и согласовывать свои действия с Воловичем [35, с.29; 24, с.127].

В нескольких словах Коялович касается побед, одержанных восставшими в этот период, в частности разгрома отрядов Гонсевского в Кобрине, Тышкевича - у Виснич, бегства людей Воловича и т.д. Эти данные историка уже нашли отражение в литературе и были частично прокомментированы [24, с.13; 38, с.105].

По понятным причинам историк-иезуит гораздо больше внимания уделяет событиям, происходившим в этот период в районе Быхова, где восставшим в конце концов пришлось снять осаду города. В работе Кояловича находим достаточно четкую хронологию событий октября-декабря 1648 г. в этом районе Белоруссии. Историк, например, вполне определенно указывает на дату взятия Черикова отрядами Кривошапки, отмечая, что это произошло на праздник Покрова (т.е. II октября по н.ст. - С.П./). Захват города шляхетскими отрядами историк относит к 22 октября. Чериков был взят людьми Горского, на помощь которым пришли войска быховского губернатора Г.Чима, могилевского подстаросты Полупинты и 300 пехотинцев из Шклова. Указанные данные Кояловича являются единственной информацией об этих событиях [24, с.14,15].

Определенный интерес вызывает сообщение Кояловича о последующем отходе отрядов Горского к Быхову, Шклову и Бельничам, а также об их действиях против восставших из этих опорных баз. Как следует из "Действий", II декабря 1648 г. в Погосте был атакован отряд восставших, который, как выяснилось из показаний пленных, был послан к одному из казацких полковников на Березину с требованием помощи для взятия Быхова. По свидетельству Кояловича, Гаркуша, который и отправил этот отряд, не стал дожидаться затребованной им помощи и, присоединив к себе отряды Пободаило, пошел на Быхов во главе 6-тысячного войска, разделенного им на 15 отрядов [24, с.167].

Некоторые из приведенных выше сведений Кояловича подтверждаются другими источниками, в частности показаниями захваченных в плен казаков. Хотя этот документ датирован 8 октября, события, о которых здесь говорится, происходили, очевидно, в декабре 1648 г. Взятие в плен казаки сообщают, например, о своих действиях 6 декабря. Ввиду этого логично будет предположить, что показания казаков в действительности датируются 8 декабря 1648 г. а информация Кояловича и данные, полученные от пленных, хронологически совпадают. Как показал один из пленных, некто Ф.Федорка, отряды Гаркуши были разделены на 15 хоругвей, что соответствует данным Кояловича [9, с.163.Ср.: 24, с.167].

Что касается полковника, к которому Гаркуша обращался за помощью (Коялович называет его *Bat*), то им, по всей вероятности, является называвшийся пленными полковник Бут, который был отправлен вдоль Березины на Свислочь, в то время как сам Гаркуша должен был захватить местечко Березин [24, с.167].

Данные Кояловича об осаде восставшими Быхова достаточно хорошо известны в литературе [38, с.III], поэтому их подробный анализ здесь не представляется целесообразным. Гораздо больший интерес в этом смысле представляет информация историка о преследовании отрядами шляхты и наемников отступивших от Быхова восставших.

Как сообщает литовский историк, последний штурм восставших относится к дню перед рождеством, т.е. 24 декабря 1648 г. Примерно в это же время к Быхову подошел Горский во главе 5 хоругвей оршанцев и одной хоругвь, состоявшей из шляхтичей полоцкого воеводства. Восставшие вынуждены были отступить. По пути они предприняли попытку взять Чечерск, однако не достигли успеха и отошли дальше. Шляхтичи и наемники захватили Попову Гору и устроили судилище над местными жителями. Между тем крестьянские отряды под командованием Кривошапки и Микулича отступили к Стародубу и Новгороду-Северскому, часть восставших укрепились в Бобоничах на реке Ипуск. Отряду шляхтичей под командованием Миладовского удалось захватить Бобоничи, оттуда сын Горского, Хданович и Миладовский были посланы к Стародубу. Вот, вкратце те данные, которые находим по рассматриваемому вопросу в работе Кояловича [24, с.18-21]. Эта информация частично подтверждается одним из писем непосредственного участника событий оршанского старосты Горского. В письме к вильнюсскому воеводе К.Хоткевичу Горский сообщает о расправе с восставшими в Поповой Горе, а также довольно подробно описывает марш отправленных из Бобоничей частей на Стародуб. Изложенная здесь информация довольно обширна по объему и служит достаточным подтверждением более фрагментарных сведений об этих событиях Кояловича [17, с.8].

На страницах "Действий" и "Комментария" довольно подробное освещение получило взятие шляхетскими войсками в конце 1648 г. города Пинска [24, с.22-25; 35, с.33, 34]. Вместе с тем содержащаяся здесь информация значительно уступает и по объему и по детальности изложения хорошо известной сегодня летописи "О бунте г.Пинска и об усмирении оного в 1648 г." [10], ввиду чего рассмотрение названных сюжетов "Действий" и "Комментария" не представляется целесообразным.

Военные действия 1649 г. на территории Белоруссии начались походом против восставших вернувшегося с элекций Я.Радзивилла. Первым крупным населенным пунктом, оказавшим сопротивление литовским войскам, был Мозырь.

Осада Мозыря, вылазка казаков под предводительством Михненко, а также расправа с восставшими достаточно хорошо освещены в литературе [38, с.113,114; 62], причем сделано это на основании рассматриваемых произведений или прямо или через посредство работы Э.Котлубая, опиравшегося главным образом на "Действия" и "Комментарий" [68]. Вместе с тем на страницах "Действий" находим не привлекавший внимание исследователей рассказ Кояловича о бегстве одного из предводителей восставших, имени которого историк не называет. В дневнике Машкевича содержится краткое упоминание о бегстве "сидельника", которого шляхтич называет старшим полковником [11, с.434]. Упоминание о "седляре" есть также в показаниях казаков, захваченных в плен в августе-сентябре 1648 г. По этим данным седляр возглавил набранный в Мозыре отряд, состоявший тогда из 400 человек [9, с.103-106].

Судя по рассказу Кояловича, руководитель восставших вырвался из города на лошади и проскакал мимо литовских войск, задерживавших беглеца. В погоню за ним бросился некто Зубко из хоругви Ходорковского. Когда Зубко вот-вот должен был догнать седляра, лошадь шляхтича застряла в снегу и беглецу удалось уйти от погони. Интересно, что мужество, проявленное руководителем восставших, было оценено даже Кояловичем, который назвал его героем-казакom. По мнению историка, от смерти его спас только счастливый случай [24, с.29-30].

Следующим пунктом карательной экспедиции Я.Радзивилла был Гобруйск. Сведения Кояловича и автора "Комментария" о сдаче Гобруйска в большинстве случаев прокомментированы Я.И.Смирновым в связи с

анализом одного из рисунков А.Вестерфельда, придворного художника Я.Радзивилла. Исследователь сделал достаточно обоснованное предположение об изображении на этом рисунке сцены сдачи Бобруйска [56, с. 237, 421, 422].

После занятия Радзивиллом Бобруйска в литовский лагерь пришло известие о начале переяславских переговоров и королевский приказ прекратить военные действия. По свидетельству "Действий", Радзивилл удалился в Слуцк, предварительно разделив свои отряды на 4 части. Личные войска гетмана стояли у Речицы, отряды под командованием Гонсевского — частью на Днепре, частью — на Друке у Рогачева, а люди Воловича — над Припятью у Загалья [24, с. 33, 34]. Анонимный автор "Комментария" также насчитывает четыре группы войск и, хотя не называет имена их командиров, уточняет место зимовки той части, которая стояла над Днепром, назвав местом ее дислокации Стрешин [35, с. 46]. Эти сведения историков частично подтверждаются письмом из Быхова от 18 марта 1649 г.

Особый интерес представляют больше нигде не встречающиеся данные "Комментария" об угрожавшей Я.Радзивиллу конфедерации наемных войск, что было вызвано задержкой в выплате жалования. Частичный расчёт с войском произошел якобы в лагере под Речицей, куда Радзивилл приказал стягивать войска. Однако достать деньги для этой уплаты было делом не простым. По свидетельству "Комментария", гетман прибыл под Речицу из Вильнюса, где он занимался вопросами жалования, на 14 дней позже, чем предполагал [35, с. 56].

Военные действия лета 1649 г. начались боем между повстанцами под руководством И.Голоты и стоявшими в Загалье литовскими войсками. Отметим, что информация, содержащаяся в изучаемых произведениях о сражении под Загальем, полностью подтверждается другими источниками, в частности письмом анонимного автора к королю от 10 июля 1649 г. [17, с. 59, 60] и письмом к королю Я.Радзивилла от

28 июня 1649 г. [68, с. 365-367]. Содержащиеся в письмах данные представляют более полную картину боя, чем "Комментарий" и Коялович вместе взятые, поэтому подробный анализ информации историков не представляется необходимым. Укажем лишь, что ни один из рассмотренных здесь источников не говорит о личном участии в столкновении Гонсевского, что ставит под сомнение утверждения некоторых авторов о том, что Голота был разбит лит. войсками под командованием Гонсевского и Денгоффа [61, с. 06; 72, с. 425].

Главным событием 1649 г. на белорусском театре военных действий была Лоевская битва. Основной комплекс оригинальных известий об этом сражении содержится в книге Кояловича. Почти не приводит оригинальной информации о данном событии "Комментарий", автор которого пользовался для описания этого сюжета известными сегодня источниками, на что уже указывалось раньше.

На страницах "Комментария" находим интересные сведения о предыстории Лоевской битвы, в частности попытке Радзивилла захватить охранявшуюся войсками Пободайло переправу через Днепр. В целом данные анонимного автора подтверждаются рядом других источников. Наиболее полное описание этих событий содержится в использованном Э.Котлубаем рукописном "диариуше" и корреспонденции "ТЕ" [68, с. 141-142; 37, с. 813]. Так как эти описания достаточно хорошо известны исследователям [72, с. 439, 440], мы опускаем анализ более фрагментарных сведений об этих событиях в "Комментарии".

Остановимся более подробно на характеристике оригинальных известий Кояловича о ходе Лоевской битвы. Относительно начального этапа сражения определенный интерес вызывает сообщение автора "Действий" об участии в бое хоругви Л.Ходорковского. Оказывается, что эта хоругвь была наиболее боеспособной, т.к. только что вернулась из разезда и лошади еще не были расседланы [24, с. 41]. Информация Кояловича подтверждается также сведениями "ТЕ", где

говорится, что перед самым началом битвы в разъезд был отправлен именно Ходорковский [37, с.816]. Подробное освещение в сочинении Кояловича получили успешные действия восставших против шляхетских хоругвей Гонсевского и Неверовского [24, с.42,43]. Присутствие этих сведений в работе Кояловича представляет для нас особую ценность, т.к. неудачное для литовцев начало битвы тщательно замалчивается всеми источниками, вышедшими из лагеря Радзивилла [68, с. 368,417; 37, с.816; 35, с.71]. Только в сочинении Коховского находим вынужденное признание о том, что литовское войско было уже почти разбито и хотело отходить к Речице, однако польский историк также не сообщает подробностей этого периода сражения [18, с.93].

Коялович приводит немало интересных подробностей и о продолжении боя на левом фланге восставших уже после возвращения в литовский лагерь отряда Коморовского и наступившего в результате этого перелома в ходе сражения. В других источниках находим лишь фрагментарные упоминания о ходе битвы в этот период на левом фланге Кричевского. Как можно судить из текста "Действий", прежде чем атаковать войска восставших, Гонсевский попытался выяснить у пленных их численность, а также дальнейшие намерения. По сведениям пленных, казаки собирались "отабориться" и с лучшей частью пехоты двинуться на прорыв, остальная пехота должна была уйти через лесные чащи. Гонсевский атаковал появившиеся было отряды восставших, однако те отступили к болоту, открыв при этом частый ружейный огонь. Только ценой больших потерь, о которых не смог умолчать Коялович, литовцам удалось вытеснить восставших в поле, где они были разбиты [24, с.44-45]. Наибольший интерес в данном случае представляет замечание Кояловича о планах левого крыла восставших. Сведений о них в других источниках не обнаруживается.

Ценна также информация Кояловича о событиях ночи, прерванной

сражение. Опасаясь активных действий казаков именно ночью, под прикрытием темноты, литовцы зажгли несколько пустых хат, находившихся вокруг их лагеря, так что вспыхнувший огонь освещал прилегающую к лагерю местность. Не удовлетворившись этой мерой, Радзивилл выделил достаточно крупные силы для ночного охранения. В караул были назначены конница Гонсевского и Тизенгауза, а также пехота Оттенхауза [24, с.49]. Эта информация содержится только в труде Кояловича.

Как видим, оригинальные известия о Лоевской битве 1649 г. содержатся главным образом на страницах книги А.Кояловича. Как известно, "Действия" заканчиваются описанием именно этого сражения, известия же о дальнейших событиях содержатся только в "Комментарии" неизвестного автора.

В "Комментарии" ничего не говорится о событиях 1650 г. на территории Белоруссии, однако кампания 1651 г. описывается подробно с ее самого начала.

Как сообщает аноним, Великому княжеству Литовскому был разрешен набор 15-тысячного войска, однако собрать удалось только 13700 человек, достаточно боеспособными из которых были только 4 тысячи ветеранов, да и те долгое время не получали жалования [35, с.97]. Если численность разрешенного В.к.Л. войска общеизвестна, то информация автора "Комментария" о реальном положении дел является чрезвычайно ценной, т.к. этих данных не находим в других источниках.

Достаточно подробно анонимный автор "Комментария" останавливается на деятельности Я.Радзивилла по успокоению наемного войска, которое грозило конфедерацией в случае неуплаты жалования. Расчет было решено провести в Минске 7 мая и до этих пор ведение решительных военных действий не представлялось возможным [35, с.97].

Незадолго до начала планировавшегося Радзивиллом похода, в се-

редине июня 1651 г., в литовский лагерь прибыло три казацких посланца во главе со Степаном Пободаило. "Комментарий" довольно подробно говорит об этом событии. По его сведениям, послы передали Радзивиллу письмо от Б.Хмельницкого, экстракт которого, а также ответ литовского гетмана приводятся на страницах "Комментария". Довольно полный пересказ этого сюжета анонимного автора был сделан Я.И.Смирновым, исследовавшим его в связи с идентификацией одного из рисунков А.Вестерфельда [56, с.262,263]. На основании "Комментария" рассказал об этих событиях также Э.Котлубай [68, с.168], поэтому мы не будем подробно пересказывать этот сюжет "Комментария". Отметим только, что в переданном послами письме Хмельницкий стремился добиться нейтралитета В.к.Л. Зная о противоречиях по ряду вопросов между Яном-Казимиром и Я.Радзивиллом, он попытался оторвать литовского гетмана от проекта совместных действий литовского и коронного войск на Украине. Однако этот замысел не удалось осуществить. Жонглируя высокими понятиями, князь Януш отказался от предложения Хмельницкого [35, с.104,105].

Большая часть приведенных здесь сведений "Комментария" подтверждается информацией анонимной реляции о приеме послов Я.Радзивиллом. Как сообщает автор реляции (документ датирован 17 июня 1651 г.), в состав посольства кроме упоминаемого "Комментарием" Пободаила входили также Кланевский и предримирской. Послы прибыли в лагерь 13 июня, однако были приняты Радзивиллом несколько позже. В тексте "Комментария" и реляции некоторые слова (например, из ответа Радзивилла о единстве литовцев и поляков) совпадают почти дословно, хотя нередко встречаются и разночтения [7, №225, л.382, 383].

Реляция в большинстве случаев дает более подробную информацию, чем "Комментарий". Отметим однако, что автор реляции не был хорошо знаком с содержанием письма Б.Хмельницкого к Я.Радзивиллу

и лишь вскользь говорит об этом документе. Таким образом, содержащийся на страницах "Комментария" пересказ письма Е.Хмельницкого является сегодня наиболее полным свидетельством о его содержании, что повышает значимость приведенной анонимным автором информации.

Практически уникальными являются сведения автора "Комментария" о дальнейшей судьбе казацких посланцев. По данным анонимного историка, послы были задержаны Радзивиллом по подозрению в шпионаже. Вместе с тем автор "Комментария" называет и другую, настоящую причину этой акции: решили задержать представителей восставших до тех пор, пока в литовском лагере не соберется достаточно сил для захвата Лоевских укреплений на Днепре. Как сообщает "Комментарий", задержанным предоставили возможность узнать о том, что Мирский двинулся с крупным отрядом в направлении Смоленка, где действовали тогда довольно крупные отряды восставших (под руководством Шоха и Тарасенко.- С.П.). Уверенные в том, что Радзивилл достаточно занят и не будет в ближайшее время заниматься днепровскими переправами, послы были отпущены к своим 3 июля 1651 г. [35, с.105-109].

Такова вкратце информация "Комментария" о предыстории битвы под Репками. Если сообщение анонимного автора о предпринятом Радзивиллом трюке с послами мы не можем проверить по другим источникам и вынуждены принимать на веру, то сведения о действиях отряда Мирского подтверждаются рядом других материалов. В частности, сведения о форсировании Мирским реки Сож именно у Гомеля находим также в письме Я.Радзивилла к гетману Кишке [68, с.344]. Информация о трех выстрелах как сигнале для начала атаки подтверждается данными немецкоязычного летучего листка о битве под Репками [13, с.153].

Если предыстория битвы под Репками получила на страницах "Комментария", как мы в этом могли убедиться выше, достаточно подробное освещение, то само сражение было описано анонимным истори-

ком довольно традиционно и не содержит сколько-нибудь интересных сведений. Все они находят подтверждение в намного более полных описаниях других источников [35, с.110,113. Ср.: 68, с.168-169].

Одним из основных моментов в отношениях между польской и литовской армиями после захвата войсками В.к.Л. Киева были постоянные требования Н.Потоцкого к Я.Радзивиллу идти на соединение с коронным войском и отказы последнего сделать это. На страницах "Комментария" находим интереснейшие материалы, касающиеся этих разногласий между гетманами Речи Посполитой. Оказывается, что вынужденный подчиниться настоятельным приказам, Радзивилл не отказался от мысли переложить основную тяжесть войны на плечи коронного войска. По свидетельству "Комментария", Радзивилл предложил Потоцкому следующий план объединения двух армий: коронные войска должны были продвигаться вперед и взять Белую Церковь, в то время как литовцы спустятся вниз по Днепру и займут Триполье. Белая Церковь и Триполье назывались главными крепостями восставших, а необходимость захвата последней объяснялась якобы стремлением удерживать контроль над рекой [35, с.148].

Автор "Комментария" с досадой сообщает, что коронные гетманы отказались от этого предложения. В польском лагере разгадали, по всей видимости, замыслы Радзивилла и осознавали, что кроме нежелания отрываться от своих челнов на реке князем руководили и другие, "приватные" мысли [16, с.346]. Дело в том, что Белая Церковь представляла собой хорошо укрепленную крепость, в которой, по сведениям одного из писем, вышедших из польского лагеря, находилось около 40 тысяч восставших [16, с.346], в то время как о расположении столь крупных сил в районе Триполья мы не имеем определенных данных.

Приведенная выше информация автора "Комментария" представляет значительный интерес и проливает свет на один из наименее изучен-

ных аспектов освободительной войны украинского народа -- разногласия между польской и литовской магнатерией, с особой ясностью проявившиеся в годы всенародного восстания на украинских и белорусских землях.

Присутствие на страницах "Комментария" большого числа оригинальных сведений объясняется, по-видимому, широким доступом анонимного автора к архивам Я.Радзивилла, использованием большого числа документов, до сих пор не введенных в научный оборот или вообще не дошедших до нашего времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный выше анализ памятников латиноязычной историографии середины XVII века позволяет сделать вывод об их безусловной важности для исследования проблем истории освободительной войны украинского народа 1648-1654 гг. как в историографическом, так и источниковедческом аспектах. Авторы рассматриваемых произведений являлись представителями правящего класса Речи Посполитой и именно с этих позиций оценивали события освободительной войны. Классовый подход историков выразился, в частности, в характере использованных ими источников, происходивших исключительно из шляхетско-магнатского лагеря. Вместе с тем на страницах "Действий" и "Комментария" отразилось немало сведений, неизвестных сегодня по другим источникам, что определяет не только историографическую, но и источниковедческую ценность рассматриваемых памятников. Их всестороннее изучение представляет особый интерес, учитывая, что латиноязычная историография середины XVII века является важной составной частью восточноевропейских историографических и общекультурных связей XVI-XVII столетий, периода существенных экономических и социально-политических сдвигов в истории нашей Родины.

СПИСОК ИСПОЛЪЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К. Конспект книги Бакунина "Государственность и анархия". - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.18, с.579-624.
2. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии.- Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.7, с.343-357.
3. Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу.- Полн. собр.соч., т.24, с.113-150.
4. Ленин В.И. Украина.- Полн.собр.соч., т.32, с.340-342.
5. Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией /1654-1954/. Одобрены Центральным Комитетом Коммунистической партии Советского Союза. - М.: Госполитиздат, 1954.
6. Об организационно-политических мероприятиях по подготовке и празднованию 325-летия воссоединения Украины с Россией: Постановление ЦК КП Украины.- Правда Украины, 1978, 17 сент.

И С Т О Ч Н И К И

7. Львовская научная библиотека АН УССР им В. Стефаника, отдел рукописей, фонд Оссолинских.
8. Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы /к 300-летию (1654-1954): в 3-х т. - М.: Изд-во АН СССР, 1953-1954, т.1-3.
9. Документы об освободительной войне украинского народа /1648-1654/ /Сост.: А.З. Барабой и др., Редкол.: П.П. Гудзенко и др.- К.: Наукова думка, 1965.
10. Исторический памятник о Пинске. - В кн.: Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. - М., 1847, № 5, с.31-38.

- II. Машкевич Б. Дневник.- В кн.: Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси.- К., 1896, т.2, с.407-438.
12. Мыцьк Ю.А. Малоизвестный немецкий источник по истории освободительной войны украинского народа 1648-1654 гг. - В кн.: Исследования по истории русско-германских отношений. Днепропетровск: ДГУ, 1978, с.155-164.
13. Мыцьк Ю.А. Немецкие "летучие листки" об освободительной войне украинского народа 1648-1654 гг. - В кн.: Вопросы германской истории. Классовая борьба и социальные движения нового и новейшего времени. Днепропетровск: ДГУ, 1981, с.144-156.
14. Bialobocki J. Pochodnia wojennej slawy Jasnie Oswiesconego Kiazecia Jego Mości Jeremia Michala Korybuta Na Wisniowcu y Lubniach Wisniowceckiego ... - Kraków, 1649.
15. Bytomski J. Obsidio Zamosciana. - Zamosci, 1649.
16. Grabowski A. Starożytnosci historyczne Polskie. - Kraków, 1840, t. I.
17. Grabowski A. Ojczyzta spominki w pismach do dziejów dawnéj Polski. - Kraków, 1845, t. II;
- Kochowski W. Lata potopu 1655-1657. - Warszawa, 1972.
18. (Kochowski W.) Historya panowania Jana Kazimierza przez nieznanego autora. Wydana z rękopismu przez E.Raczyńskiego. - Poznan, 1840.
19. (Kochowski W.) Famiętniki do panowania Zygmunta III, Władysława IV, Jana Kazimierza z rękopismu wyd. K.Woycicki. - Warszawa, 1846, t. II.
20. Kojalowicz A. Colloquia theologi cum politico de electione prudenti unius verae christianae religionis. (-Vilnae, 1640).
21. Kojalowicz A. Compendium ethicae Aristotelicae. - Vilnae, 1645.
22. Kojalowicz A. Oculus ratione correctus. - Vilnae, 1648.

23. Kojalowicz A. Miscellanea rerum ad statum ecclesiasticum in Magno Lithvaniae Ducatu pertinentium. - Vilnae, 1650.
24. Kojalowicz A. De rebus Anno 1648 et 1649 contra Zaporovios cosacos gestis. - Vilnae, 1651.
25. Kojalowicz A. De nonnullis discriminibus in fide, quae catholicos inter et evangelicos intercedunt. - Vilnae, 1653.
26. Kojalowicz A. Fasti Radiviliani. - Vilnae, 1653.
27. Kojalowicz A. Colloquia theologi cum dissidente de religione ac de ~~siraxam~~ cero... ad probandos fidei articulos. - Vilnae, 1667.
28. Kojalowicz A. Historiae Litvanae. - Dantisci-Antverpiae, 1650-1669, t.I,II.
29. Kojalowicz A. O rzeczach do wiary należących rozmowy teologa z różnymi wiary prawdziwej przeciwnikami. - Kraków, 1671, cz. 1-3.
30. Lobzynski J. Epitome de rebus anno 1648 et 1649 contra zaporovianos kosacos in Polonia et Lithuania gestis. - Vienae, 1653.
31. Michalowski J. Księga Pamiętnicza ... - Kraków, 1864.
32. Pastorius J. Bellum scythico-cosacicum seu de conjuratione Tartarorum, Cosacorum et plebis Russicae contra Regnum Poloniae ab Invictissimo Poloniae et Sveciae Rege Joanne Casimiro profligata. - Dantisci, 1652.
33. Pastorius J. Historiae Polonae plenioris partes duae. Ejusdemque Dissertatio de originibus Sarmaticis. - Dantisci, 1685.
34. Radziwiłł A.S. memoriale rerum gestarum in Polonia 1632-1656. - Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1974, t.IV.
35. Rerum in Magno Ducatu Lithvaniae per tempus rebellionis Russicae gestarum Commentarius in que obiter et succinctae attinguntur, quae in annexis Regno Poloniae provinciis, eodem tempore evenerunt. - Regiomonti, 1653.

36. *Rerum in Magno Ducatu Lithvaniae per tempus rebellionis Russicae gestarum Commentarius in que obiter et succinctae attinguntur, quae in annexis Regno Poloniae provinciis, eodem tempore evenerunt.* - Elbingae, 1655.
37. *Theatrum Europaeum.* - Frankfurt-am-Meyn, 1663, t. VI (164781651).

Л И Т Е Р А Т У Р А

38. Абцедаарский Л.С. Белоруссия и Россия. Очерк русско-белорусских связей второй половины XVI-XVII вв.- Минск: Вышэйша школа, 1978.
39. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII-XVII вв.- М.:Наука, 1973.
40. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа /XVII- первая четверть XVIII века/.- М.:Наука, 1976.
41. Визвольна війна 1648-1654 рр. і воз'єднання України з Росією. /Редкол.: В.А.Дядиченко, О.К.Касименко, Ф.П.Шевченко. - К.:Вид-во АН УРСР, 1954.
42. Голобуцкий В.А. Дипломатическая история освободительной войны украинского народа 1648-1654 гг. - К.:Госполитиздат УССР, 1962.
43. Гольдберг А.Л. История России в иностранных изданиях XVI-XVII веков.- История СССР, 1982, №2, с.103-117.

44. Греков И., Корольк В., Миллер И. Воссоединение Украины с Россией в 1654 г. - Ч.: Госполитиздат, 1954.
45. Кулис В. А. Вияк Коялович и его "История Литвы". - Пяр-галле, 1950, №11, с.149-162.
46. Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки: М., 19
47. Ковальский Н.П. Источниковедение истории Украины /XVI - пер-вая половина ХУП вв./ Ч.2. Анализ дореволю-ционных отечественных публикаций источников. - Днепропетровск: ДГУ, 1978.
48. Костомаров Н.И. Исторические монографии. - СПб., 1884, т.9.
49. Крип'якевич І.П. Богдан Хмельницький. - К.: Вид-во АН УРСР, 1954. - 535 с.
50. Кучернок М.Ф. Джерела про російсько-українські політичні зв'язки в роки визвольної війни українського народу /1648-1654/. - Львів: Вища школа, 1980. - 177 с.
51. Лимонов Г.А. Культурные связи России с европейскими странами в ХУ-ХУП веках. - Л.: Наука, 1978. - 270 с.
52. Мнцык Г.І. Записки иностранцев как источник по истории Украины /вторая половина ХУІ - середина ХУП века/. Часть I. Немецкие и австрийские источ-ники. - Днепропетровск: ДГУ, 1981. - 75 с.
53. Наливайко Л.С. Західноєвропейські Історико-літературні дже-рела про визвольну війну українського народу 1648-1654 рр. - Український Історичний журнал, 1959, №3, с.137-143; №9, с.137-143; №10, с.141-145; №11, с.131-136; №12, с.128-132; 1970, №1, с.138-140.
54. Прохоренко А.П. Методика исторического источниковедения. - 2-е изд., доп. и испр. - Ростов-на-Дону: Изд-во Рос-тов. ун-та, 1976. - 447 с.

55. Санин Г.А. Русско-польские отношения 1667-1672 гг. и Крымско-турецкая политика в Восточной Европе. - В кн.: Россия, Польша и Причерноморье в XV-XVIII вв. - М.:Наука, 1979, с.276-286.
56. Смирнов Я.И. Рисунки Киева по копиям их конца XVIII века. - В кн.: Труды XIII археологического съезда в Екатеринославе. 1905 г. М., 1908, т.2, с.197-512.
57. Тивнелите Я. Альберт Виюк Коялович - хронист XVIII века. - В кн.: Acta Baltico-Slavica, 1973, №8, с.95-107.
58. Франко І.Я. Хмельниччина 1648-1649 рр. у сучасних віршах. - Франко І.Я. Зібрання творів у п'ятдесяти томах. - К.:Наукова думка, 1981, т.31, с.188-253.
59. Чистякова Е.В. "Скифская история" А.И.Лызлова и труды польских историков XVII-XVIII вв. - В кн.: Труды отдела древнерусской литературы. М., 1963, т.XIX, с.348-357.
60. Шевченко Ф.П. Політичні та економічні зв'язки України з Росією в середині XVIII ст. - К.:Вид-во АН УРСР, 1959.- 500 с.
61. Шуляковский У.Г. Из истории борьбы белорусского народа с польским панством в XVIII веке. - В кн.: Ученые записки ЛГУ. Исторические науки. Л., 1941, вып.7, с.83-116.
62. Шуляковский Е.Г. Участие белорусского народа в освободительной войне 1648-1654 гг. - ВИ, 1954, №5, с.32-43.
63. Archiwum Historii Medycyny. - Warszawa, 1976, t. 39.
64. Barycz H. Wstęp. - In: Gornicki L. Dzieje w Koronie Polskiej. - Wyd. 2e. - Wrocław, 1949.

65. Bentkowski F. *Historia Literatury Polskiej*. - Warszawa - Wilno, 1814.
66. Brauni D. *De scriptorum Poloniae et Prussiae Historicorum, Politicorum et ictorum typis impressorum ac Manuscriptorum in Bibliotheca Brauniana collectorum, virtutibus et vitis catalogus et iudicium*. - Gedani, 1739.
67. *Filozofia i myśl społeczna XVII wieku*. Wybrał, opracował, wstępem i przypisami opatrzył Z. Ogonowski. - Warszawa, 1979. Cz. I, II.
68. Kotłubaj E. *Zycie Janusza Radziwiłła*. - Wilno i Witebsk, 1859.
69. Kubala L. *Szkice historyczne*. - Lwów, 1880, serya I.
- 69^b. Kubik K. *Joachim Pastorius - gdański pedagog XVII wieku*. - Gdańsk, 1970.
70. Kuchowicz Z. *Barbara Radziwiłłówna*. - Łódź, 1978.
71. Wisniewski M. *Historia Literatury Polskiej*. - Kraków, 1840-1851, t. 1-8.
72. *Z dziejów Ukrainy*. - Kraków, 1912.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

73. *Большая советская энциклопедия*: В 30-ти т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. - 3-е изд. - М.: Советская энциклопедия, 1973, т. 13. - 608 с.
74. *Радянська енциклопедія Історії України*. - К.: Головна редакція Української радянської енциклопедії, 1969-1972, т. I - 4.
75. *Советская историческая энциклопедия*. - М.: Советская энциклопедия, 1965, т. 8.
76. *Bibliografia Literatury Polskiej*. Nowy Korbut. Opracował zespół pod kierownictwem R. Pollaka. - Warszawa, 1964, t. II.
77. *Estrejcher K.* *Bibliografia Polska*. Cz. III.
78. *Lietuviš koji Tarybinė Enciklopedija*. - Vilnius; Leidykla "Moksias", t. V.

79. Polski Słownik Biograficzny. - Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1967,
t. 13.
80. Wielka Encyklopedia powszechna ilustrowana. - Warszawa, 1904, t. 36.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Исторические и политические взгляды авторов произведений об освободительной войне	6
§ I. Жизненный путь и произведения Альберта Вюкка Кояловича	6
§ 2. Вопрос об авторстве "Комментария"	21
Глава II. Латиноязычная историография середины XVII века как исторический источник	30
§ I. Источники информации об освободительной войне в произведениях середины XVII века	31
§ 2. Оригинальные сведения А.Кояловича и автора "Комментария"	41
Заключение	56
Список использованных источников . литературы	57

